

На берегу Ледокол «Ленин»

Прошло почти два месяца с того дня, когда сейнер РС-1012 вышел за ворота Кольской губы. Последнюю неделю только и было разговоров, что о предстоящем заходе в Мурманск на краткосрочный профилактический ремонт. Если кому-то удавалось перехватить радиста – Маркони, то бедному Коле приходилось очень туго.

-Ничего не знаю... ничего не знаю... - спрашивайте у начальства.

Но для всех всё стало ясным только тогда, когда прошли ворота Кольской губы...

Вовка стоял на палубе, а впереди разворачивался мурманский порт. Справа и сзади уже остался Абрам-мыс с посёлком и плавмастерской «Фреза». Слева от железнодорожного вокзала, который одновременно был и морским, высилась громада того самого ледокола, который первым в мире стал атомным. Рядом с ледоколом стояло ещё две плавбазы, но ледокол подавлял их не столько своим размерами, сколько скрытой силой и мощной статью в груди.

-Надо будет обязательно посмотреть хотя бы с причала, - твердо решает Вовка.

Лёшка Грибанов тоже смотрит на ледокол.

-Вот бы на его палубу подняться, - скосил Вовка глаза.

– Ни разу на таких больших кораблях не был...

-Не так-то это просто. Чтобы туда попасть надо разрешение из Москвы получить, - почти дословно повторил Лёшка слова недавнего мичмана с острова Кильдин.

«Что же это у нас за Москва такая, что без неё и шага ступить нельзя, - подумал Вовка, но вслух промолчал. – Все секреты. Секреты военные и гражданские...»

Но Вовка знал из телевизора и газет, что на этом ледоколе в своё время побывали Юрий Гагарин и другие космо-

навты. Мало того и другие знаменитости, и даже всякие деятели из капстран...

«Какие же это секреты?..»

-А у Пети-штурмана братан судомехаником на нём работает, - вдруг продолжил разговор о ледоколе Лёшка. – Наверняка, может устроить экскурсию...

На Вовкину удачу его сейнер стал швартоваться совсем недалеко от стоянки корабельной элиты, к которой, условно, относился ледокол «Ленин» и плавбазы.

Несмотря на то, что сейнер пришвартовался к причалу во время вахты второго, «козлить» или стоять первую береговую суточную вахту согласился Вовка – пусть уж механики отпразднуют приход в своих семьях, а он в бичхолл сбегать успеет.

В порт угадали придти в пятницу, под самые выходные, так что бежать в приёмную с Мариной тоже было уже поздно, а впереди и вовсе суббота с воскресеньем.

Стармех прочитал Вовке полный инструктаж, как и чем заниматься на суточной вахте, вместе с ним они проверили топливо в танках, накачали воздуха во все баллоны.

-Евгений Иванович, я же не первый год, - пытался Вовка избежать лишнего инструктажа.

-В море – это «четыре через восемь» и мы рядом, а тут ты остаёшься за главного механика на целые сутки, - задрал палец вверх стармех, – так что...

С тем механика дружно покинули борт своего сейнера, оставив Вовке не только машинное хозяйство сейнера, но и временно переселив его в каюту стармеха.

-Только никакого бардака!..

Что подразумевали Евгений Иванович и Гриша-второй под понятием «бардак» - Вовка так и не понял за все стояночные дни в порту...

А сейчас Вовка спал. А что ему не спать, как и всей команде, кто в этот час остался на борту? Тем более что перешли на береговое электроснабжение. А это значит - берёшь и разматываешь специальный кабель с барабана на шлюпочной палубе, и тащишь его на берег к электрощитку, которые пеньком стоят на каждом причале. Там уже береговой электрик подсоединит куда надо, и можешь выключать или вырубать свой вспомогательный движок-генератор на букву «Ч».

И совсем тишина, и не надо никакого контроля за работающими механизмами, потому как их просто не остаётся...

Вовка всегда спит чутко. Особенно, если он на вахте, даже на суточной, когда и по инструкции не возбраняется ночной отдых со сном. Правда, при этом рекомендуется спать одетым, разве что допускалось разуться. Но Вовка никак не мог спать в каюте стармеха одетым.

Грохот кованых промысловых сапог по крутой винтовой лестнице мог бы разбудить не только чутко спящего Вовку. Тут и самый ярый лежебока сразу бы очухался.

-Вовка вставай! – распахивает во всю ширь дверь Лёшка Грибанов. – Там пожар...

-Где пожар?.. Какой пожар? – чуть не падает Вовка с койки.

Вовка махом натягивает штаны, рубаху, между тем он уверен, что у него вся лишняя электрика выключена, так что какое-либо замыкание маловероятно. А может пьяный забулдыга бросил окурочек не туда?.. Но такое на судах тоже редкость – за окурки «не туда» могли даже списать с парохода без всякой амнистии....

Но Лёшка уже выбежал из кубрика, а больше уточнять не у кого. Вовка сунул ноги в полусапоги и через секунду тоже на палубе...

И в самом деле, откуда-то валят клубы тугого горького дыма

«Это же на соседнем СРТ!* – включился Вовка. – Пожар в носовом кубрике!..»

Да, именно из тамбура на баке валил дым на верхнюю палубу. Именно на баке торчат двое-трое из команды СРТ и что-то пытаются сделать с пожарным шлангом. Но оттуда ни капли.

Вовка кувырком в машину.

«Хватит ли напруги* с берега, чтобы запустить пожарный насос?!..»

Но для Вовки и это не вопрос. Он не стал испытывать береговое электроснабжение на прочность. Несколько секунд и запущен вспомогац, а за ним насос ярко-красного цвета. Открыты нужные задвижки, тоже красного цвета. Вовка выскакивает на палубу.

-Растаскивай шланг! – кричит он Грибанову...

* СРТ – средний рыболовный траулер

* Напруга – напряжение электрического тока

Шланг уже растянут по палубе сейнера, его принимают с борта СРТ.

-Давайте ещё, а то наши механики никак не могут разобрататься со своим насосом!..

Но заливать воду в нижние кубрики - это ещё не тушение пожара. Где там горит? И что горит?..

На этот случай на судах имеются кислородно-изолирующие приборы. Вахтенный штурман СРТ забрасывает за спину тяжеленные баллоны, одевает маску с налобным фонарём и спускается по трапу вниз, крепко держа в руках брендспойт. Матросы придерживают упруго вихляющийся шланг сзади.

Вовка замечает, что из тамбура уже идёт не просто дым, а в смеси с паром. Но вот дым и вовсе перестаёт подмишиваться в пар, которого тоже становится меньше. Из тамбура поднимаются штурман с матросами.

Потом Вовка узнал, что пожарные насосы на СРТ были в порядке. А вот вахтенный механик переборщил по какому-то случаю, да так что его никто не мог растолковать. Расследование показало, что пожар на СРТ возник всё по той же разгульной причине. Правда, кто бросил окурок или спичку «не туда», выяснить уже не удалось.

Было слышно, что капитан траулера круто обошёлся с командой - списал всех матросов из носового кубрика вместе с механиком.

Ближе к обеду того же дня опять же Лёшка Грибанов нашёл Вовку в машине.

Нас обоих вызывает капитан.

«Интересно, что там ещё?..»

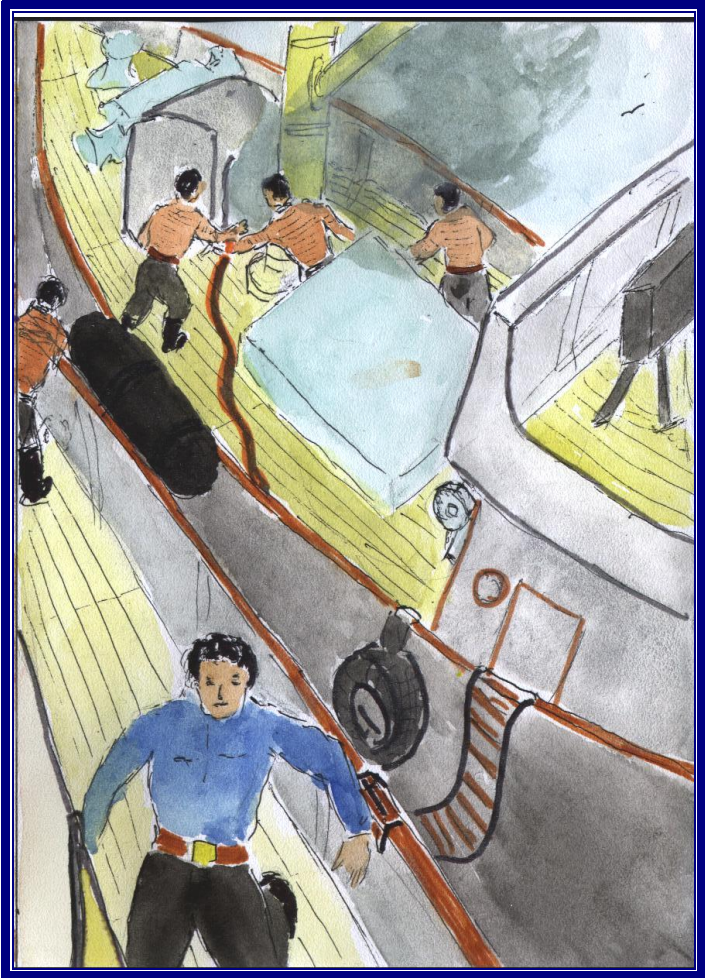
В крохотной каютке капитана сейнера сидел огромный моряк с регалиями.

-Василий Иванович, - капитан ночного погорельца, - невесело представился он. - Так что большое вам флотское спасибо и вот примите от меня лично...

-Да, Пётр, прямо стыдно за своих. У тебя практикант оказался на сто голов выше моих «крупных спецов».

Ребята поняли, что им самое время выразить свою благодарность и вышли из каюты. В пакете две бутылки какого-то крутого коньяка, банки с икрой, ещё что-то...

Этой ночью Вовка опять остался за вахтенного «ночного механика». Правда, после пожара на соседнем СРТ, капитан пригласил всех четверых механиков в свою каюту. Едва разместились по кровати и крохотному диванчику.

-Надеюсь, догадываетесь, по какому поводу...

-Да я уже со своими переговорил именно по этому поводу, - не стоило труда догадаться Евгению Ивановичу.

-Это хорошо... но и я, как капитан, обязан предупредить вас ещё раз о роли механика в живучести корабля, если кое-кто из вас это не помнит...

Неизвестно, как остальным механикам, но Вовке прямо показалось, что капитан, прежде всего, имеет в виду Гришу-второго.

-Всё верно, - буркнул Гриша, правильно поняв капитана. – Так что впредь не извольте беспокоиться... особенно за меня...

-Я так понял, что Володя у нас остаётся жить на сейнере...

-Да, мы его ещё вчера в свою каюту переселили...

-А ты как, Володя?

-Думаю, что у нас не будет повода для недовольства... я скажу, если мне понадобится сойти на берег...

На этом разговор был закончен.

Эта ночь выдалась беспокойной. Для начала СРТ - погорельца куда-то утащили. А потом и сейнер заставили отдать концы и перешвартоваться на другой причал. А потом ещё и ещё раз. Вовка так и проторчал в машине почти всю ночь. Зато на выходе из машины ближе к утру его ждала приятная неожиданность – его сейнер оказался совсем рядом со знаменитым ледоколом «Лениным».

В кают-компании за утренним завтраком уже заседали штурман Пётр, которому пришлось решать ночные хлопоты со швартовками в рубке сейнера и Лёшка Грибанов – ему пришлось всю ночь таскаться по палубе со швартовными концами.

-Петя, - тебе приходилось бывать на ледоколе?.. - начал Вовка реализовывать свой план.

-Так ведь на нём мой братан Федька механцом, - почему-то весело согласился Петя. – Я через него со многими на ледоколе познакомился...

-Всю жизнь мечтаю, - молитвенно сложил ладони Вовка. – Придумай что-нибудь...

-Что... на ледокол хочешь перебраться? – сильно удивился Петя.

-Ну, не работать же... тоже мне, хватил. Хотя бы по палубе пройтись...

-А... типа экскурсии. Попробую с Федькой поговорить. Я как раз к нему собирался...

Лёшка Грибанов явно переборщил, когда сказал, что на ледокол попасть можно только по специальному разрешению из Москвы.

Ледокол стоит первым бортом, то есть, сразу у причала. Вовка начал разевать рот прямо у трапа, который был украшен словно лестница в рай. Да так оно потом и оказалось.

У трапа наверху стоит вахтенный матрос с красно-белой повязкой.

Заметив, что Петя уверенно движется к трапу, матрос взял их под наблюдение.

-К кому?

-Третий механик Фёдор Михалёв на вахте должен быть – мы к нему...

Матрос куда-то позвонил из аппарата прямо у трапа. Механик Михалёв возник через пяток минут. Механик в какой-то специальной униформе, но никакой излишней важности в речах и движениях.

-А, Петруха, ну давай поднимайтесь, а я пока вахтенному помощнику всё же скажу...

Он снова появился через минуту и вот Вовка уже внутри известного на весь мир ледокола «Ленин».

Палуба ледокола выкрашена в стойкий зелёный цвет. Но это только в открытых местах. Когда Вовка ступил внутрь, в один из длинных коридоров, то ноги его едва не утонули с непривычки в бархатистом ворсе ковровой дорожки. В коридоре двери в обе стороны, которые как и панели отделаны деревом. Вовка так и не понял – настоящее это красное дерево или так здорово сделанный пластик. Но потом он всё-таки вспомнил, что во время строительства атомохода не было того высокого уровня химии, чтобы так подделать красное дерево.

Столовая экипажа с невысоким подволоком. Но на судах вовсе нет высоких стен, как это бывало и есть в средневековых замках. Всё-таки пространство надо экономить. Несколько столов, вокруг которых вертящиеся кресла, на переборках стенды из жизни ледокола и его экипажа...

В машинном отделении Вовка почти ничего не понял, кроме того что ледокол располагает мощным атомным реак-

тором (но его он так и не увидел) и несколькими парогенераторами. Зато его поразил пульт управления с безразмерными по длине и ширине приборными панелями. Глядя на это великолепие, Вовка вспомнил пульт управления космического корабля.

«Пожалуй, и космическим ракетам далеко до такого изобилия приборов самого разного назначения...»

Бесчисленные этажи и ярусы в машинном отделении туго переплетены трубопроводами, кабелями, всевозможными соединительными и разъединительными коробками. Не пустует ни один квадратный дециметр!.. Механизмов столько, что рябит в глазах и как тут разобраться.

Вовка спросил Фёдора об этом.

-Ты же механик. Пусть пока будущий, и должен знать, что в машине есть механизмы, за которыми нужно следить постоянно, есть, которые нужны каждый час, на другие механизмы обращаешь внимание раз в сутки, есть и такие, куда не обязательно заглядывать даже раз в неделю...

-Всё правильно, но ведь всё равно надо знать назначение и устройство каждого из них.

-Иногда и не знаешь, на это есть техническая литература, – заученно твердит третий механик ледокола Ленин Фёдор Михалёв. – Главное не опоздать с изучением...

Вовка вспомнил, что в мореходке их преподаватели иногда тоже говорили, что они учат курсантов работе с технической литературой, но сегодня он об этом промолчал.

-Какая мощность установки?

-Сорок четыре тысячи лошадиных сил...

-Ого, а на сейнере всего-навсего триста... а длина парохода какая?

Фёдор сказал, что длины в ледоколе 134 метра, ширины 27, а водоизмещение 16 тысяч тонн.

-Пошли в каюту, - словно догадался Фёдор о желании Вовки глянуть на шикарные каюты, о которых ему говорил Петя ещё на сейнере.

И в самом деле!.. Одноместная каюта третьего механика поражала всё тем же красным деревом, шикарной койкой с балдахином, диваном и прочими столами с креслами. Мало того, в каюте находился персональный санузел, и не только с раковиной, но и с унитазом. Вовка не сдержался, чтобы не отметить на знаменитом ледоколе. Но при этом он испытывал самые уважительные чувства к легендарному ледоколу.

Ещё Вовка обратил внимание, что иллюминаторы в каюте механика не абы круглые, а настоящие окна, правда, не очень-то большие.

Хозяин каюты куда-то звякнул, через некоторое время в каюту зашла аккуратная девушка с подносом.

-Давайте по паре кофе...

Кофе стал последним аккордом в празднично-торжественной симфонии, которая звучала вокруг Вовки во все моменты его экскурсии на ледокол «Ленин».

-Мне для полного счастья остаётся ещё побывать на космическом корабле, - подумал Вовка, спускаясь по трапу.

Можете ли вы представить себе чувство Вовки, которые обуяли его, когда он сразу после визита взойшёл на свой сейнер?... Правильно... и Вовка не мог...

За два месяца Вовка сильно привык к сейнеру, он уже чувствовал себя маленькой частью его живого организма. И сейчас он в нём сквозила трогательная жалость к маленькому водоплавающему существу, которым теперь представился сейнер РС-1012 на фоне недавнего великолепия.

Он делился своим впечатлениями с Губановым.

-Вовка, на свете много разных пароходов... и на всех ходят в море и работают люди. Такие, как мы с тобой... Федьку я тоже знаю. Ну и что – такой же механик с таким же дипломом. Сегодня он на ледоколе, а завтра.... Вон, наш Евгений Иванович - тоже на супербазах работал. А случился зигзаг по жизни – оказался на сейнере, и как-то мне сказал, что теперь не жалеет...

Но Вовке долго ещё грезились длинные коридоры с красными дверями и ковровыми дорожками, снился громадный светильник в кают-компании ледокола, снился механик Фёдор Михалёв...

Пан Кавецкий

На всё про всё сейнеру было запланировано стоять в порту всего пару недель. Да и то через день после швартовки его задвинули в самый дальний угол, за плавмастерскую «Фреза», а это уже на другой стороне Кольской губы. Отсюда до причала возле железнодорожного вокзала сновали туда-сюда те самые весёлые трамвайчики, на которые Вовка обратил внимание ещё в первый день по приезду в Мурманск.

В эти дни Вовка узнал, что Марины, нет не только в приёмной Гослова, но и вообще в Мурманске – уехала на сессию.... О том, что в жизни есть «Закон пакости» Вовка знал давно и поэтому сильно расстраиваться не стал.

«За два месяца она так и не придумала, хоть как-то связаться с сейнером РС-1012 – значит ей это не надо...»

Ещё в рейсе Вовка планировал по приходу в порт списаться с сейнера, попроситься на средний траулер и податься в Атлантику, но капитан со стармехом разубедили его:

-Настоишься в резерве, а там и практика кончится...

Вовка внял этим советам, тем более что два месяца общения с командой сделали своё дело – он прижился на маленьком сейнере. По всему было видно, что и к нему все привыкли. Теперь он с утра до вечера занимался подготовкой машинного хозяйства.

За время стоянки надо было успеть сделать профилактику главному двигателю, а это значит раскидать и почистить поршни с гильзами, проверить подшипники коленвала, перебрать и отрегулировать топливную аппаратуру и множество ещё разного другого.

Занималась всем этим полная машинная команда во главе с Евгением Ивановичем. Главную и тонкую работу, конечно же, делали дед и второй, а Вовке с третьим – Губановым доставалось шоркать всякоразными щётками и скребками поршни, гильзы, наводить чистоту и блеск в огромном картере. Иногда дед и второй, разглядывая вкладыши подшипников, каждый из которых был величиной с лапоть Никиты Кожемяки, яростно спорили, где его надо подшаманить, и надо ли вообще, однако к согласию и общему знаменателю всегда приходили.

Но у третьего есть и своё хозяйство, главными в котором числятся вспомогательные движки и паровой котёл, где Вовка тоже был первый и единственный помощник.

Наверху боцман Егорыч с матросами так и эдак вертели палубные механизмы, подкрашивали их, а заодно и борта с надстройками.

В субботу короткий день и Вовке выпал выходной аж до понедельника. Вечерами других дней он с успехом подменял вахтенных механиков, которые, не забыв сказать спасибо, смывались на берег, поближе к своей семье или другим береговым удовольствиям.

Вовка в это время играл с вахтенными по палубе в козла или в карты, иногда в шахматы. Потом он вспомнил

про шиш-беш и с разрешения капитана расчертил один из столов в кают-компании. Стало ещё веселее...

А сегодня он решил дать себе волю. Тем более был и компаньон - это новенький матрос из кубрика напротив. Он тоже жил на судне и круглыми сутками составлял для Вовки постоянно действующую компанию.

Семёна (так звали матроса), пути Господни привели на сейнер откуда-то из-под Вологды. Он на пару лет старше Вовки, но в морских вопросах абсолютно беспросветен и ростовский практикант стал для него ходячей энциклопедией и не только по морским делам.

Для Вовки, конечно же, не было вопроса куда пойти, когда они дружно прыгнули с портового трамвайчика на свайный деревянный причал возле вокзала.

-Вперёд, на бичхолл!..

Но в бичхолле никого из ростовских не оказалось. По правде говоря, Вовка мало надеялся кого-либо застать здесь, он назубок знал, куда беспристрастный жребий раскидал всех друзей и особенно не огорчился.

-Какие будут предложения?..

-Давай возьмём бутылочку, посидим на лавочке, а потом можно будет и в кино сходить, - неожиданно для Вовки проявил лихую сметку Семён.

-На лавочке не авторитетно. На лавках пусть бичи пьют, а мы пойдём в кафе, - без труда перетянул инициативу на себя Вовка. - Культурно посидим, на людей посмотрим, себя покажем...

Но в первом попавшемся кафе ничего существенного не давали, во втором тоже. Кругом вовсю разворачивалась очередная «кампания по борьбе» то ли с пьянством, то ли с трезвостью. И всё-таки в третьем или четвёртом кафе ребята прочитали в меню: «кофе с коньяком».

Хозяйкой за стойкой скучала хорошенькая девчушка. Вовку сразу осенило:

-Девушка, у вас тут написано черным по белому «кофе с коньяком». А можно наоборот или вообще без кофе?.. А то кофе в обед – вроде не время....

-Можно, если осторожно, - приняла условие игры со-всем свойская хозяйка. - Только вы не возражаете, если я вам налью в чайные стаканы.

-Да хоть в тазики...

Едва расположились ребята в пустом по причине «борьбы» кафе и приступили к реализации задуманного пла-

на, как вдруг Семен из-за прозрачной аквариумной стены узрел среди уличной толпы знакомого, который уже через минуту восседал с ними за одним столиком.

-Вот... мы с ним в бичхолле в одном номере жили, пока устраивались. Его Юрка зовут, - представил Семён круглотелого парня с гладким, пухлым лицом.

Чувствовалось, что застольный новичок был уже на взводе, но и возле него появился стакан, о чем Вовка, как главный банкомёт, очень скоро крупно пожалел.

-Ребята, давайте побыстрее, а то мне попадёт из-за вас, - забеспокоилась хозяйшка. Ей явно не понравился Юрка.

-Сейчас уходим.... А вам большое спасибо, и самого хорошего настроения...

Но не тут-то было. Если Вовка с Семёном отхлёбывали из своих стаканов понемногу, то Юрка хватил полный стакан одним махом, крякнул и ментально осоловевшими глазами уставился куда-то мимо...

Ребята, было, насторожились, но так и не уловили, в какой момент толстячок исхитрился грохнуться под столик вместе со скатёркой и всем небогатым содержимым. Звон бьющегося стекла громом разнёсся под низкой кровлей модернистского кафе.

-Ну и паразит! - вырвалось у Вовки. Он оглянулся на стойку, где схватила за голову, и в отчаянии закрыла глаза их, ещё минуту назад, добрая и весёлая фея.

-Быстро осколки на скатерть, а этого на улицу, - зашипел он на Семёна. - Мы уплатим, за все уплатим вдвойне, - повернулся Вовка к жутко расстроенной хозяйке кафе...

-Вот позорник! - возился Семен со своим дружком, пытаясь за ноги и за руки извлечь того из-под столика. - Он кажется за вилкой, что уронил, нагнулся и отрубился вчистую. Наверное, кровь в голову шибанула...

-Моча ему в голову шибанула!.. Вот показали себя, так показали... хорошо, что народу пока нет никого...

Но что это оказался за Юрка!.. Он весь состоял не из мяса и жира, а целиком и полностью из глины и цемента.... Вдвоём его никак невозможно было поднять. Хорошо, что пол выстлан гладким пластиком и незадачливого выпивоху волоком вытащили на газонный пригорок возле кафе.

Вовка круто обозлился, и не потому, что недопили и вообще понесли материальный ущерб, а из-за того, что так нехорошо подвели добрую девушку из красивого кафе.

-Это твой дружок, вот ты с ним и оставайся, а я не намерен здесь чухаться с первым попавшимся обормотом...

-Да какой там друг?!.. Дурак я, что позвал...

Но толстяк Юрка тем временем зашевелился, закатил свое круглое туловище на коленки, привстал, а потом и совсем укрепился на своих коротеньких ножках-гумбочках. Через секунду он и вовсе устремился в направлении, известном, видимо, только ему одному.

-Слава Богу, - облегчённо вздохнули ребята с сейнера. – Раз так, то вроде бы и не получается, что мы бросили своего застольного товарища...

Но всё-таки настроение было явно испорчено. Так хорошо начавшийся ещё на сейнере день пошёл под откос.

-Давай хоть в самом деле в магазине возьмём, - канючил Семён. - Ну, вышла у меня осечка – так что же...

-Тундра ты сам и друзья твои из самой зачуханной тундры...- скорее, по инерции продолжал Вовка воспитывать незадачливого Семёна. – Да и пить я больше ничего не хочу... напился.

Но постепенно Вовка обмяк и отошёл, и друзья направились в сторону моря, то есть в порт.

Вдруг странная процессия привлекла их внимание. По широкому тротуару шла живописная группа числом около десятка. В центре роскошный мариман прижимал к себе расстрепанную чувырлу, рядом тоже мариман пожиже, а чуть поодаль и вовсе заскорузлые мужички из бичей. Группу сопровождали два жёлтых такси, которые двигались короткими перебежками...

-Да это же наш матрос! – задохнулся от непонятого восторга Вовка. – Ну и даёт! Вот это мариман! А нашивокто... а фуражка!..

И в самом деле, это матрос с Вовкиного сейнера. При этом в рейсе он был настолько незаметным, что Вовка до сих пор не знал, как его зовут.... А тут – на тебе – нарисовался...

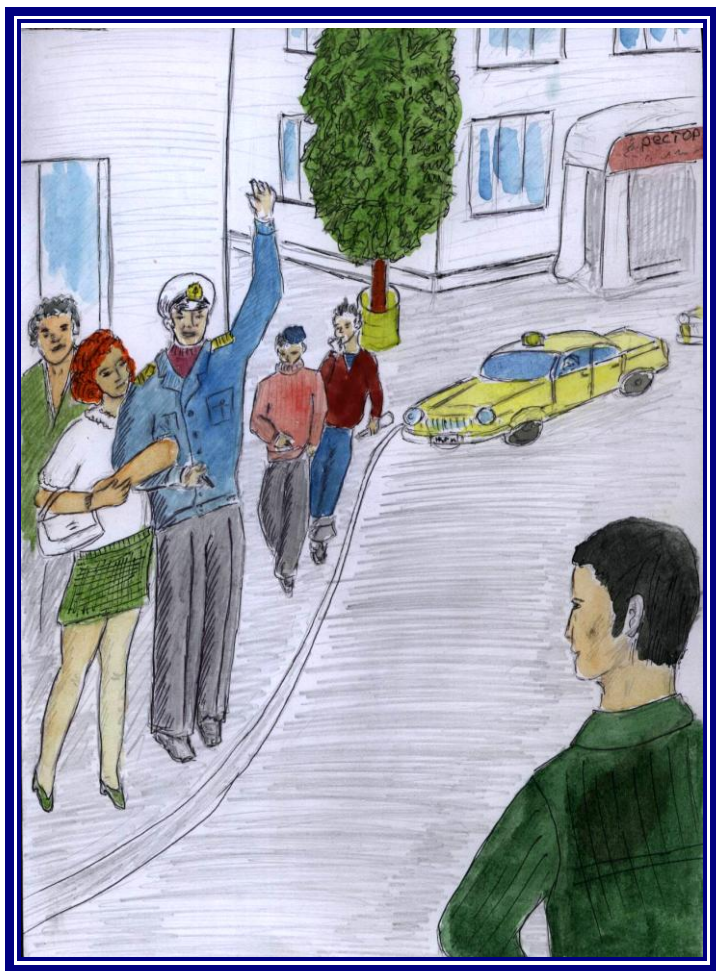
Вовка с Семеном не стали переходить улицу навстречу процессии, но матрос тоже узнал своих, сейнерских:

-Эй, братва!.. Пошли с нами в скалы!.. Шашлыки творить будем...

Но Вовка только махнул рукой, едва выйдя из столбнячного состояния.

-Подпольный миллионер что ли... наверное, рейсовую получку пропивает...

Погнали домой...

...Вахтенный механик Губанов лежал в койке и листал всё те же неподъёмные подшивки «Огонька», которые капитан хотел выбросить за борт ещё сразу после Вовкиного купания с дельфинами, но, видать, забыл.

-Слышь, товарищ Губанов... мы с Семёном сейчас одного нашего матроса в городе встретили...

-В капитанской форме и в сопровождении бичей, - сразу догадался и перебил Вовку Губанов. – Это же наш знаменитый пан Кавецкий. Он чудит таким странным образом... стиль жизни – или всё, или ничего!.. Через недельку пропьётся, и зайвится на пароход...

В какой день, и каким образом Кавецкий пришёл на сейнер, Вовка не видел, но как-то столкнулся с ним в дверях кают-компания. Тот был в своих обычных сапогах с отворотами под самое горло и в оранжевом спецовочном свитере на голое тело. Пан Кавецкий прошёл мимо Вовки, как мимо столба, и скрылся в носовом тамбуре...

-Таких, как наш Кавецкий больше ни на одном судне в нашей базе нет. Их ровно по одному кем-то распределено на все флотские конторы, - уже как-то в кубрике ещё раз вспомнил Кавецкого Губанов. – Однажды, в очередную отходную, шибко праздновали, а на другой день, уже в море, непонятно как получилось, что ни у кого похмелки не оказалось, а может, просто ему не досталось или не до него было.... Так он умудрился в старпомовскую каюту забраться и вытащил оттуда всю судовую аптечку целиком. Спрятался под спасательной шлюпкой и давай химичить: капнет на ватку и спичку. Горит – в одну сторону, не горит – в другую.... Взял и слил всё, что горит в один стакан... А там и глазные капли, и сердечные, и ещё всякоразные.... Вот он всё это и дёрнул без закуски...

-Надо же... неужто, обошлось?..

-Слушай сюда... так вот, дёрнул он этот стакан и глаза навылупку. Но до кубрика своими ногами добрался... тот же старпом с Васильичем чем только его не отпаивали. Слава Богу, жив и не кашляет.

-А за аптечку что?..

-На плавбазе снова аптечку всеми нужными лекарствами вооружили, а его за изобретательность и готовность рисковать жизнью во имя великой цели простили. Но сам он по приходу в порт ящик водки притащил...

-А откуда у него такая форма?..

-Чего тут особенного. Во флотском ателье в любую форму можно нарядиться – были бы деньги. А патрулей в гражданском флоте пока ещё не придумали...

-А потом?..

-А потом за пару бутылок эту форму опять кому-нибудь отдаст...

-Везёт пьяницам и...

-Нет, он далеко не дурак, и в недалёком прошлом был каким-то инспектором Энергонадзора. Там и привык к водке и лишился работы - в этих инспекциях пьют больше, чем на пароходах. Потому как там в рейсы не ходят... флотские хоть этим спасаются, - продолжал Губанов про матроса.

Вовка мотал на ус странности морской жизни. Да... мотать ему в своей жизни и ещё мотать.

-Да... уникальный тип. А что же это на пароходе он такой странный – тише воды, ниже травы?.. Прямо две большие разницы...

-Я думаю, что сейнер для него – это что-то вроде кокона для бабочки-однодневки. Здесь он восстанавливает свои силы, потраченные в борьбе с водкой на берегу, здесь обеспечивает себе средства в виде зарплаты для того, чтобы очередную неделю почувствовать себя центром вселенной. Наверное, он и сам, - продолжал Губанов, - понимает и стесняется своей странности, вот и прячется в свой непробиваемый кокон...

-А на берегу с ним никто из нашей команды не водится что ли?.. В компанию свою никто не принимает?..

-Ну почему же?.. Парень-то он неплохой и в рейсе работа каких поискать. Но ему самому не терпится быть именно там – среди своих бичей. Только там он чувствует себя и человеком, и царём, и даже центром вселенной. И бичи его с морей ждут - не дождутся. У них вокруг него уже особый клан сложился, чужаков не допускают. Только сам пан Кавецкий вряд ли об этом догадывается. Для него наверняка нет разницы, кто ему прислуживает...

-Что значит «прислуживает»?..

-Прежде всего, за бутылкой сбегать, за продуктами, сварить – наварить. Ещё, говорят, он любит, чтобы башмаки его всегда блестели... да мало ли чего...

-Где же он всё это время живёт?.. На пароходе его не видать, в бичхолл тоже с такой свитой никто не пустит. Неужто, по подвалам?..

-Почему?.. У них все бабки–частницы наперечёт, а денег он не жалеет. Бабки сами за ним с матрасом по улицам бегают.

Губанов вдруг широко разинул рот:

-Не пора ли нам всем на боковую. Пойду я, чачик загляшу.

Губанов вышел, и скоро стихло на нет частое стрекотание вспомогательного дизеля. Сейнер перешел на береговое освещение...

Сашка Назыров

С утра другого дня до самого обеда Вовка с Васей Губановым провозились с паровым котлом в машине, который они всё же сумели запустить и первыми от души помыться в тунге, своими руками смастерённой из легкого пластика, душевой.

До этого Вовка пару раз ходил в душевую при ремонтном цехе на берегу, но своё есть своё – главное ходить никуда не надо и очереди никакой.

После обеда капитан увидел на палубе надраенного Вовку.

-Володя, зайди-ка сюда, - махнул он ему из иллюминатора. – Ты, я вижу, в город собрался... не сочти за труд – занеси в управу вот эту папку. Кстати, ты все-таки решил с нами оставаться или в Атлантику проситься?..

Хотя на эту тему уже был разговор со стармехом и капитаном, и тогда Вовка заверил, что никуда с сейнера дёргаться не будет, сегодня он честно признался:

-Схожу вот сейчас в управу, узнаю, как там обстановка и вечером или завтра утром вам скажу. Может и без резерва обойдётся...

Первым делом Вовка снова направился в бичхолл, покрутился в большом вестибюле, прошёлся по этажам, даже назвал несколько фамилий администраторше, но сегодня он уже точно убедился, что в Мурманске никого из ростовчан нет, по крайней мере, в бичхолле.

«Может с морей кто-нибудь, как я, пришёл – вдруг, где в городе встречу...»

Не спеша, пошёл по центральной улице в сторону конторы, оглядываясь по сторонам всё в той же призрачной надежде.

«Туманов с Абрамовым и Сашка с Женькой точно в морях.... Да и Федька... хотя бы из других групп кто-нибудь...»

Прохожих почему-то было мало, наверное, потому, что продолжался бесконечно длинный полярный день, а праздный народ выходил на улицу только по белым ночам и вечерам. Но сейчас время было рабочее и трудовой люд, как ему и положено, трудился.

Низкое солнце било хоть и неярко, но как раз навстречу и Вовка не сразу признал во встречном парне... Сашку Назырова!..

-Сашка!.. Ты ли это?!..

-А я тоже иду, смотрю – ты это или не ты... идёшь и на меня не смотришь!..

-Так не видать же против солнца!..

Долго друзья дёргали друг друга за руки и плечи, никак не веря свалившемуся чуду... наконец, они упали на ближнюю скамейку, где ещё долго обменивались громкими междометиями, в перерывах между которыми Вовка рассказывал про свою рыбалку...

-Ну, а ты?.. Я думал, ты давно в Атлантике... до училища никак не ожидал тебя увидеть.

-Какая Атлантика?!.. В Петрозаводске до сих пор в ремонте простояли... на судне холод, камбуз не работает.... Дали аванс, а через три дня его и нету. Зарплату, говорят, ждите, пока из Мурманска привезут.... Вот так мы и маялись вместе с Женькой Фроловым и Петькой, смотрим – конца и края не видать, плюнули, бросили заявления капитану и чуть не на перекладных добрались сюда.... А сейчас из конторы иду. За все наши муки пообещали нас в скором времени на хорошие пароходы направить...

-Да... вид у тебя и правда не ахти. В кадрах, наверное, не от жалости, а от сильного испуга решили тебя куда-нибудь поскорее и подальше отправить...

На Сашке и в самом деле болтался плащ из болоньи с чужого плеча, пузырями висели штаны, полная голова давно не стриженных и немых волос. Лицо покрыто юношеским пушком вперемешку со щетиной.

-Ты погляди, какие у меня туфли, - задрал Сашка повыше подошвы, которых, можно сказать, и не было. – Из паронита стельки вырезал – так на них и чапаю...

-А где же ты штурманов потерял?..

-Намылились какого-то знакомого найти, звали и меня, но я решил проверить бичхолл насчёт ростовских. Ближе к вечеру договорились возле него встретиться...

-Ладно, ростовских там пока никого нет... пошли быстрее в контору, а потом ко мне на пароход. Нам как раз сегодня рейсовую зарплату должны дать, а там разберёмся и с тобой, и с твоими штурманами...

Вовка сразу прикинул, что Женька, конечно же, найдёт способ увидеться с Вероникой, а от неё можно поточнее узнать и о Марине...

Ребята быстро дошли до конторы, где Вовка закинул капитанскую папку в нужный кабинет. Он решил не составлять Сашке конкуренцию, и в кадры про свою Атлантику заходить не стал. От конторы друзья быстрым галопом спустились в порт.

Под присмотром Васильича оба крепко натрамбовались в кают-компанию. Вовка специально для Сашки растопил котёл, включил душ и через час Сашка стал почти человеком. Скоро нарисовался и третий штурман в сопровождении боцмана и тралмастера Озолса. Маленький чемоданчик с большими деньгами надо было охранять. Штурман занял каюту капитана и очень быстро раздал рыбакам то, что они заработали.

У Вовки аж дух захватило, когда он ощутил у себя в руках тяжёлые пачки. Первая получка в жизни и сразу едва ли не три тысячи!.. Да за такие деньги его отец – классный тракторист почти год должен вкалывать на жаре, ветру и морозе возле нефтяных вышек.

Почувствовав себя вооружёнными до зубов, друзья вновь рванули в город, где, прежде всего, купили каждому туфли и брюки. Переоделись тут же, в примерочной, старое барахло зашвырнули в мусорный бак. Но обнова просто так пройти не могла, да и неожиданная встреча была очень сильным поводом.

Зашли в ближайшее кафе, где приняли «на грудь» хорошего донского вина – пить, так своё – родное!..

Потом заскочили на почту, дали телеграммы по домам, а Вовка ещё полполучки отправил родным – пусть порадуются за сына и брата...

Так и не нашедшие своих знакомых, скучные и унылые Женька Фролов и Петька Варламов уже давно заседали на скамейке возле главного входа в бичхолл. После шумных приветствий и крепких дружеских объятий, Вовка сразу же поинтересовался о Веронике.

-Звонил я только что ей... через час должен встретить возле дома, - доложил Женька.

-Тащи её сюда! – перебил Вовка. – Сегодня праздновать будем мой первый приход с моря и первую зарплату...

Через двадцать минут четвёрка ростовских друзей, расположилась в шикарном номере, о чём ещё днём бывшие петрозаводские горемыки и мечтать не могли. Туда же затащили почти полбуфета со всякой гастрономией...

-Мне пора за Вероникой, - подхватился Женька, и через полчаса компания украсилась весёлой подружкой, которая поведала Вовке, что Марина скоро должна приехать, но точного дня она тоже пока не знает...

-А я снова через недельку – полторы в море, так что можем опять не встретиться...

Над столом продолжало веять южное тепло ростовских воспоминаний, несло холодком петрозаводских хождений по мукам, бушевал Вовкин первый шторм.... Рядом с ребятами незримо побывали и Вовкин капитан, и стармех, и тралмастер – латыш, и Лёшка Грибанов...

Утром Сашка убежал отмечаться в кадры, а Вовка спустился в порт – надо было принимать суточную вахту у Губанова. Договорились, что Сашка, как только узнает свои

дела, тут же прямым ходом придёт к Вовке на сейнер, и вахту они будут стоять вместе.

-Обещали прямо на днях! – светился Сашка. – Даже название сказали – «Усть-Ваеньга»...

У Вовки сработал щелчок. Ведь это название посёлка, где родилась его ростовская Надя. Но он промолчал.

-Где же она сейчас?..

-Из Беломорска сюда идет, сегодня ночью или к утру будет здесь...

Сашке оставалось только ждать. А тем временем они с Вовкой изучали машинное отделение сейнера, в чём Вовка с полным основанием считал себя знатоком.

-Принципиально системы среднего траулера и нашего сейнера не шибко отличаются, у них даже главные двигатели одинаковые, так что тебе это будет только на пользу, - внушал Вовка другу, пока ещё не нюхавшему моря, не считая, конечно, учебной практики вдоль Чёрноморского побережья Крыма и Кавказа...

Он лихо открывал длинным крючком лючки в настиле, крутил или просто показывал клапана и клинкеты, рассказывая их назначение. Так он протащил Сашку по всем закоулкам небольшого машинного хозяйства, попутно и для себя открывая кое-что новое.

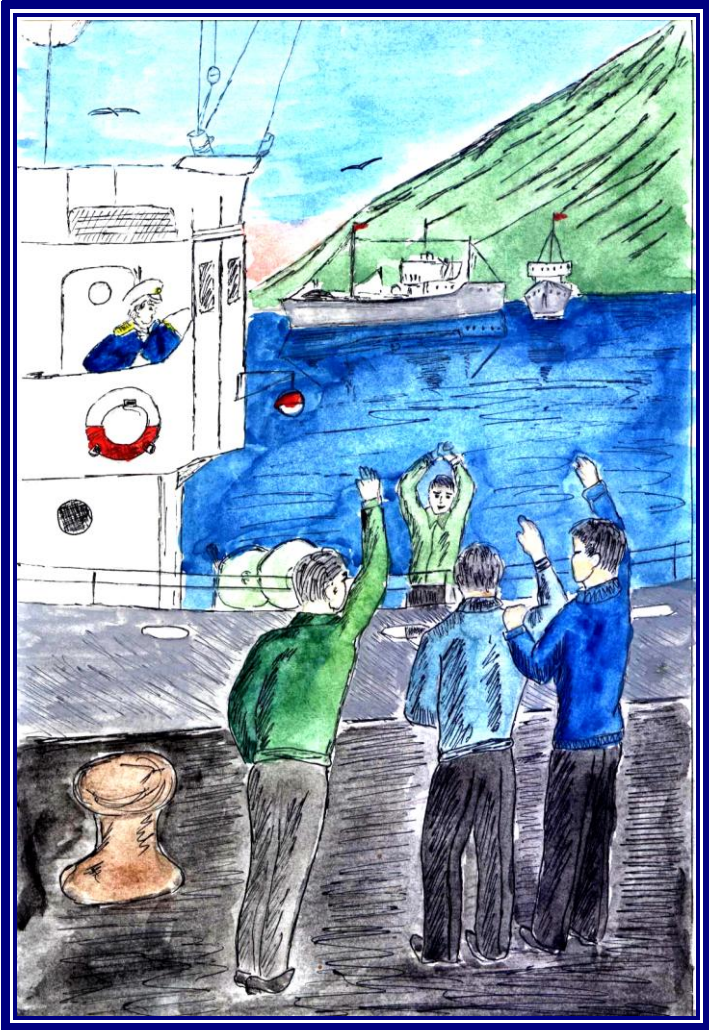
-Так что за неделю и ты на своей «Ваеньге» вполне освоишься и также будешь бегать между железяками. Главное, механиков не стесняйся спрашивать, если в чём сам не сможешь разобраться...

В управе слово сдержали, и через пару дней Сашка снялся из бичхолла и внедрился на почти новый средний траулер с названием «Усть-Ваеньга».

-На Джорджес – банку идём или к Ян-Майену.... Это где-то возле Гренландии. Сельдь промышлять будем, - важнецки доложил Сашка, когда Вовка навестил его, стоявшего со своим пароходом в порту под получением снабжения. – Рейс не меньше трёх месяцев, но, поговаривают, что могут и на спаренный оставить – пароход-то новенький...

Ещё через три дня Вовка со штурманами проводили Сашку в дальний рейс прямо от причала. Сашка долго махал с палубы ребятам, а те не уходили до тех пор, пока средний траулер с маленькой фигуркой на борту не скрылся под излучиной левого берега Кольской губы...

-Спокойного моря тебе и хорошей рыбалки в далёкой Атлантике...

...Следующая встреча с Сашкой приключилась только в феврале уже следующего года в кубрике родной мореходки. Пять с лишним месяцев Сашка рыбачил атлантическую селёдку и опоздал к началу последнего семестра без малого на полтора месяца.

Командир роты поделился с курсантами, что от Сашки с борта траулера пришла радиограмма в адрес училищного начальства о причине его столь длительной задержки, но точной даты возвращения указано не было.

Поэтому для Вовки и для всех остальных курсантов стало большим чудом явление Сашки в кубрике из восьми коек, на которых четверокурсники дружно и в согласии переваривали только что принятый ужин по-флотски.

-А вот и я!.. Вот и я!.. – завопил Сашка на манер чеховского клоуна из «Каштанки», проталкивая впереди себя связку объёмистых сумок, в одной из которых угадывался всё тот же пузатенький бочонок

Утробный рёв до упора заполнил маленький кубрик, вырвался за дверь и покатился дальше по коридорной палубе. Такой замечательный рёв могут издавать только курсанты и только по случаю встречи своего затерявшегося товарища.

Праздник продолжался далеко за режимное отбойное время и распространился на все кубрики двадцать восьмой группы механиков.

-По плану рейс должен быть сто пять суток, но в самом конце селёдка пошла косяк за косяком, - рассказывал Сашка. – Команда наша согласилась задержаться, начальство из Мурманска разрешило – вот и получилось у меня почти на два месяца больше, чем рассчитывал...

-А мы тут практическим судоремонтом занимаемся, так что никакой теории пока не было, и догонять тебе никого не придётся...

Практический судоремонт, которым курсанты занимались на одной из ростовских судоверфей, скоро был сдан по всем параметрам, и ещё задолго до госэкзаменов было объявлено о предстоящем распределении.

Распределение – это апофеоз четырёхлетней учёбы. Все твои бесчисленные семестровые и экзаменационные оценки сводятся в одну среднюю, исходя из чего, и выстраивается очередь к заветному столу с комиссией, от которого, пока ещё курсанты, отходят накрепко связанные судьбой с определённым и точным местом на необъятной карте необъятной страны.

Вовка с Сашкой твёрдо решили ехать вместе, как бы ни сложилась средняя величина.

-У меня шанс попасть только в Мурманск или на Дальний Восток, а поскольку в Мурманске я уже был, то теперь подамся на далёкую Камчатку, - решил Вовка

-А мне можно даже Прибалтику выбрать, но я тоже с тобой на Камчатку...

Почему-то Камчатка за столом распределительной комиссии котировалась ниже Прибалтики и Мурманска и даже Владивостока с Находкой, не говоря уже о Чёрном море.

Лишь только Каспий седой и суровый был в перечне после Камчатки, но Вовка, да и большинство других курсантов, были глубоко убеждены, что все моря, все океаны по своему разнообразны, у каждого свои горизонты, свои глубины и высоты...

Поэтому некоторые члены комиссии из сухопутных искренне недоумевали, когда вдруг курсант с самым высшим баллом выбирал Дальний Восток, а не Чёрное море. И не было среди курсантов обиженных судьбой, все ждали встречи со своими морями и портами...

Анжелика

После ухода Сашки, Женька Фролов и Петька Варламов тоже долго на берегу не задержались. В кадрах запомнили не только Сашку, но и штурманов, и направили их опять вдвоём на отходящее судно. Наступил как раз тот самый бархатный сезон, который предпочитают отпускники-северяне, поэтому с вакансиями стало гораздо легче.

Вовка стоял на суточной вахте, и ребята заскочили к нему, чтобы только на ходу попрощаться.

-Вероника просила передать, что звонила Марина - через пару дней она будет в Мурманске, - выдал информацию Женька, уже поднимаясь по трапу с палубы сейнера на причал...

А Вовку давно сгрыз червь сомнений. Могла же она дать радиограмму на сейнер, но почему-то... а, может, Вовка многого от неё хочет?.. Она же все-таки просто девчонка и нужно ли ей шарить по морям в поисках парня, с которым провела всего-то один вечер, да и то случайно?.. А старший лейтенант с папой - генералом?.. Тоже не пустое место... особенно, генерал...

Через два дня по графику снова суточная вахта и он придумал позвонить в приёмную, набрав у всей команды чуть ли не полный карман двушек. Автомат висел тут же, на причале, недалеко от стоянки сейнера. Вовка зря хлопотал с двушками – ему ответили с первого раза.

-А Марины нет, она на сессии уже третью неделю, - прозвучал тонкий певучий голосок на охрипший Вовкин.

-Мне сказали, что она вернулась...

-Может, и вернулась, но на работу пока не приходила и не звонила...

Вовка повесил трубку...

До отхода его сейнера тоже оставались считанные дни и он, теперь уже вполне обоснованно, мало надеялся на возможную встречу. Чем ближе отход, тем больше из всех углов машинного отделения и палубы выпирает авральных работ, и днями Вовка был загружен по самую макушку. Стармех со вторым, видя, что вечерами моторист никуда не спешит, придумали переселить его временно в свою каюту, с чем Вовка, не колеблясь, согласился.

По правде говоря, ему давно надоели бесконечные береговые пьянки матросов в обоих носовых кубриках. И теперь он испытывал настоящее блаженство, когда тихими вечерами сидел на маленьком диванчике в уютной каютке, читая и перечитывая пачки писем и тут же на них отвечая. Правда, не возбранялись и гости, из которых чаще всего бесшумного ночного механика навещали Семен или вахтенные штурманы.

Утром приходили механики во главе с Евгением Ивановичем, и машинная команда в полном составе наваливалась на свои движки, насосы, компрессоры...

-Володя, ты не подумай, что мы закабалили тебя окончательно, - иногда повторяли друг за другом механики. – Если надо будет на берег, то всегда пожалуйста... хоть на день, хоть на сутки и даже больше.... Только перед отходом не потеряйся...

-Да какая мне разница, где спать...

...Через день после первого звонка Вовка еще раз звонил в приемную. Ему ответили примерно так же, как и в первый раз...

«Раз Вероника передала, что Марина будет через два дня – значит, так оно и есть... может, она дома пока... - мучился в догадках Вовка. – Эх!.. Была, не была!.. Вечером схожу к её дому, может, увижу... или хотя бы Веронику...»

После обеда Вовка с Васей Губановым раскатали на гайки и болтики один из водяных насосов. Дело не новое, тем более для Губанова, и работа спорилась. Рядом Евгений Иванович с Гришей доводили до ума регулятор оборотов главного двигателя. Судя по тишине без перебранки, и там дело шло, как надо.

Вовка оглянулся на лязг и скрежет тяжелой двери в машинное отделение. На трапе нарисовался, моргая со света, Семен.

-Вовка! - наконец, проморгался он. - Там тебя такая обалденная девица спрашивает...

-Что?.. - Вовка выронил на ноги тяжёлый инструмент. - Какая девица?..

А у самого вихрем завертелось, чёртом заплясало в голове:

«Марина!.. Кто же ещё, кроме неё?.. Не Надюха же из Ростова прилетела...»

-Беги скорее!.. Хватит пнём стоять! - подтолкнул его Губанов.

«В таком виде... я же весь в мазуте и солярке, - продолжал лихорадочно соображать Вовка. - Что же делать?..»

Тем временем ноги сами несли его по трапу наверх.

На палубе, в свете яркого дня, как в лучах прожекторов на сцене, стояла пришельцем с другой планеты Марина. На неё пялились из кают - компании, из рулевой рубки, две небритые рожи даже не поленились высунуться из носового кубрика.

-Как это ты умудрилась? - не придумал с ходу ничего лучшего Вовка.

-Могу уйти...

-Что ты, что ты! - замахал руками Вовка. - Пошли в каюту... извини, что я в таком виде...

-Я же понимаю, что ты на работе, - ловко спускалась по почти отвесному трапу Марина. - Думаю, тут есть, где себя привести в порядок?

-Конечно, есть! - вне себя радовался Вовка. - А как же ты меня нашла?..

-Чего тут особенного?.. Позвонила в кадры, удостоверилась, что ты не перешёл на другое судно.... Потом в нашу диспетчерскую - оттуда сказали, что сейнер РС-1012 стоит на двенадцатом причале. Вот и все...

-А как же проходная?.. - совсем не к месту продолжал допытываться Вовка.

-Я из управления ещё не уволилась, так что моё служебное удостоверение пока действительно, - развернула Марина красивые корочки работника Гослова.

-Так ты уходить собираешься? – скорее машинально, чем осознанно опять спрашивал Вовка.

В каюту, осторожно стукнув, заглянул Евгений Иванович. Очень деликатно поздоровался с Мариной, которая прохладно ответила ему невозмутимым кивком.

-Извините, - сгреб он в охапку свою и Гришкину парадную одежду. - Мы уходим, а Губанов в машине котел растопил, так что...

-Спасибо... до завтра...

-Вашего стармеха я знаю...

-Стармехов и капитанов ты, скорее всего, должна знать в лицо всех, - опять машинально ответил Вовка и вконец растерялся. Он не мог придумать, что же делать дальше.

-Так-так, - бесцельно шарил он глазами по каюте, будто в первый раз попал сюда. - А как у тебя со временем?.. Ты надолго?..

-Возможно, пока не выгонишь...

Вовка ожидал любого ответа, но только не такого.

-Тогда я действую!.. Двадцать минут!..

С охапкой шмоток из каюты вверх, а там через тамбур кувырком в машину.

-Стоп! – опомнился он и снова наверх, на палубу.

-Семен! – мухой в магазин!.. Коньяк, шампанское, вино красивое, шоколад и остальное все подряд!..

Вовка сунул полпачки и радостно озабоченный Семен понесся в заданном направлении – Вовка снова в машину. Губанов – третий, торчал возле мерно гудящего котла.

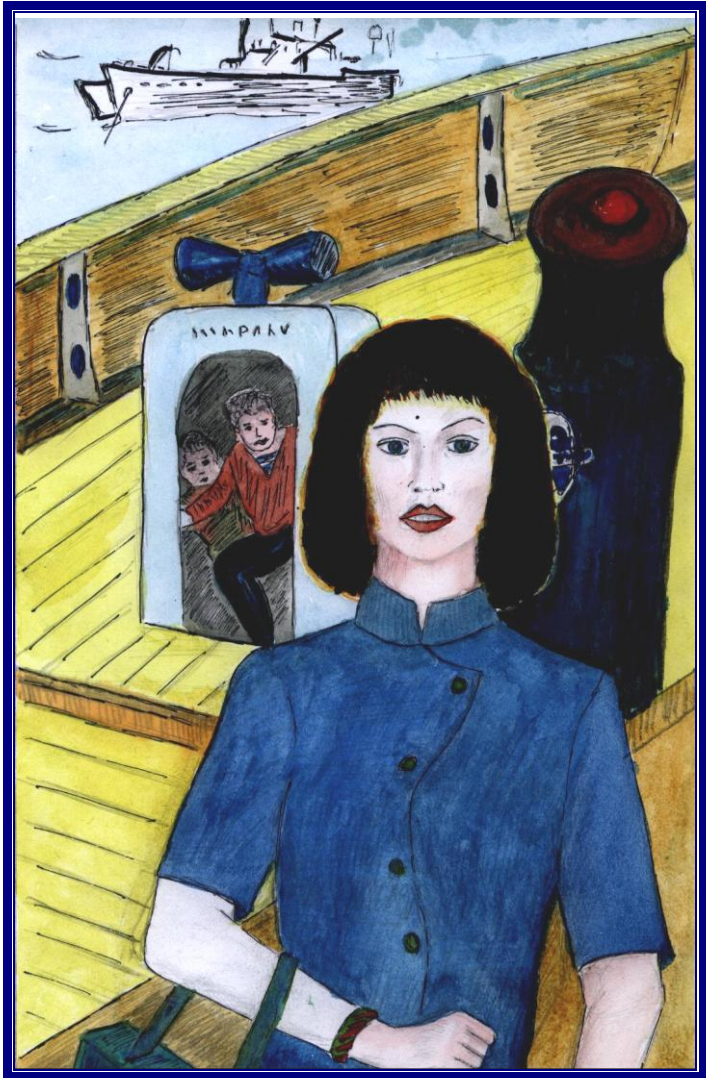
-Дед сказал, что наша секретарша к тебе пришла – правда что - ли?..

-Правда-правда, - решил не скрывать бесполезную тайну Вовка. – Только вы теперь по всем флотам не растрепитесь...

Вовка закрылся пластиковой шторкой в самодельной душевой и, яростно натираясь злой мочалкой, по-прежнему терялся в догадках – разгадках.

«Что же это такое?.. Неужели она обыкновенная шлюшка?.. Не про таких ли на флоте говорят: «Прошла Крым, рым и все кубрики китобойной флотилии «Слава»?..»

-Володь, так мне оставаться вахтить или как? – спросил из-за шторы Губанов.

-Я не знаю пока... может, попозже провожать надо будет, так что давай уж сегодня повахти разок.

Через двадцать минут надраенный, как крейсерская рында, Вовка спустился в каюту со знакомой, но вместе с тем таинственной гостьей. Было видно, что Марина особенно не скучала – перед ней лежала раскрытая книга. Завидев Вовку, Марина закрыла книгу и отодвинула её в сторону.

-«Анжелика» - вслух прочитал Вовка. – Какие, оказывается, ты толстые книжки читаешь... а я ещё в Ростове кино смотрел про неё...

-Я тоже недавно смотрела...

По трапу в тамбуре раздался грохот кованых сапог.

-Заходи, заходи, - раскрыл дверь Вовка. – Золотые ноги у тебя, Семен.

Новичок Семен не мог видеть Марину в приемной, потому как устраивался он в Гослов как раз в то время, когда она была на сессии, и теперь во все глаза пялился на молча отвернувшуюся к переборке Марину.

-Закрой глаза, ослепнешь!..

Вовка налил гонцу полный стакан, у того не задержалось.

-Благодарствую... я пошел. Если надо чего будет, то знаешь, где меня искать.

Грохот по трапу стих. Установилась тишина.

-Марина, извини, но теперь ты здесь хозяйка. Посмотри, что тут за добро и, если, как сказал Семен, ещё чего надо будет, скажи...

Гостья не заставила себя долго уговаривать и вполне умело сервировала небольшой столик, используя подручные каютные средства и содержимое большой сумки.

-С чего начнем? – снова начал проявлять активность Вовка.

-Давай для смелости сначала коньяка...

-А ты что – в разведку собираешься? – бодро разлил Вовка по стаканам. – Или меня ни с того, ни с сего побить задумала?..

-Нет... это я...- почему-то запнулась Марина. - Это я не про ту смелость...

Вовка наливал понемногу и в открытую любовался Мариной. Черные волосы несут отблеск синевы и сегодня не струятся по плечам, а тяжелым свитком подобраны на затылке. Матово чистый лоб слегка прикрыт густой, чуть зачесанной влево чёлкой – крылышком. Тонкие брови в разлёт высоко

ко подняты и плавно переходят в прямой тонкий нос с едва заметной горбинкой. Яркие, выпуклые губы, почти незаметно тронутые помадой, чуть подрагивают то ли в улыбке, то ли от непонятого Вовке волнения. Слегка обозначенные скулы сходятся в мягком, округлом подбородке. Черные, блестящие глаза с широко распахнутыми ресницами смотрят внимательно и несут в себе глубокую тайну, вряд ли понятную даже самой Марине...

-Ну и как? – совсем по-свойски улыбается Марина. – Всю рассмотрел?..

-Не знаю... по-моему, на тебя можно всю оставшуюся жизнь смотреть.

-И не соскучишься?..

-Не-а...

По приходу ярко-бледное лицо Марины постепенно розовеет. На щеках, в глазах и на губах всё чаще появляется улыбка. Она рассказывает Вовке, как ездила на сессию, как легко сдавала предмет за предметом, и как за ней попытался приударить совсем еще не старый профессор.

-Представь себе, не постеснялся других девчонок, и пришел в общежитие с букетом и вином. Девчонки из моей комнаты хотели оставить нас вдвоём, но я упростила их остаться... так что вино выпили все вместе.

-Вообще-то, я тоже заметил, правда, из фильмов, что профессорские жёны часто бывают молодыми... как и генеральские...

-Вот и у моего будущего тестя, или как там это называется, вторая жена. С первой, правда, он не разводился – она от рака умерла...

-Не тесть, а свёкор... но неужто ваши дела так далеко зашли, что ты их уже по-родственному называешь?..

-Володя, давай не будем про это...

-Конечно, давай...

Вовка зорко следил, чтобы стаканы на столике совсем не пустовали, все также смотрел на Марину, переводил взгляд с лица на узкие кисти рук с тонкими длинными пальцами, которые иногда чуть заметно подрагивали.

«Выпить-то мы выпьем, а дальше что?.. Может, кино какое в здешнем клубе?.. – прикидывал возможные варианты никак не хотевший ударить в грязь лицом Вовка. – А может, взять сумку и пойти погулять по сопкам...»

Марина между тем продолжала что-то говорить о своей сессии, о Веронике, о том, как они с ней провожали в море

ростовских штурманов. Вовка тоже немного рассказывал о своём прошлом рейсе, и в первую очередь о раздольном морском купании с дельфинами.

-Страшная всё-таки у вас работа... но интересная...

Вовке понравились слова Марины, и он немедленно превратил их в очередной тост.

После тоста у Вовки залпом кончился весь словарный запас. Он беспомощно крутил головой от переборки к переборке, переводил взгляд с предмета на предмет, но ни одно нужное слово не всплывало из глубин памяти.

Как будто догадываясь о Вовкином состоянии, Марина подняла руку, раздался лёгкий щелчок, и густые чёрные волосы упали на плечи...

-Тепло тут у тебя, даже жарко – можно я сниму «свой китель»?..

Вовка только ошарашено кивнул, тут же сам сбросив свою форменку.

«Никуда мы сегодня не пойдём... а тем более в холодные сопки...»

Неведомые силы перенесли Вовку с диванчика к Марине, которая, казалось, очень спокойно сидела на противоположной койке, что в последнее время безраздельно была в распоряжении постоянно вахтенного в ночное время Вовки.

-Володя, не надо... - Марина осторожно убрала Вовкину руку со своего плеча. – Давай лучше ещё понемногу...

-Марина, я тут не при чем – это руки мои сами теперь хулиганят... - покрывая щеку и шею быстрыми поцелуями, бормотал Вовка, снова и снова обнимая и прижимая к себе тихонько отстраняющую его Марину.

И пришёл этот миг, когда легкое прикосновение губ перешло в длинный бездыханный поцелуй, когда Вовке стало не хватать рук, когда одновременно хотелось быть везде и полностью ощутить прекрасное девичье тело...

-Свет... потуши свет...

...Не сразу, но всё у них получилось как надо... сколько прошло времени?.. Да и не прошло оно вовсе.

-Ну, вот и все... - глубоко вздохнула Марина.

-Что всё?.. – водит глазами по темноте каюты обмякший Вовка.

-Теперь можно и замуж...

-Чего это ты бормочешь?.. Чего несёшь?.. – никак не хочет ни во что вникать Вовка. – Марина... я так понял, что это у тебя в первый раз?..

В темноте Марина долго молчит. Вовка тоже.

-Почему ты это спрашиваешь?.. Налей мне немного...

-Само - собой... выпьем за нас с тобой.

Вовка включил ночничок над верхней койкой, глянул на часы.

-Марина... а трамвайчик-то всё...

-Что всё?.. – присела в койке Марина, замотавшись в простыню.

-Теперь до самого утра трамвайчики ходить не будут.

-Ну и пусть... я никуда пока не собираюсь...

В который уже раз за последние несколько часов Вовка благодарил провидение, приведшее в его уютную монашескую келью такую замечательную девчонку. Но что за этим стоит?.. И не похожа она на искательницу дешёвых приключений, никак не похожа...

-Через неделю у меня свадьба... так что можешь поздравить.

-Что?.. – всё никак не может взять в толк Вовка. – Чего это ты заладила – свадьба, свадьба...

-Повторяю для непонятливых, - со знакомой твердостью чеканит Марина. – Месяц назад подано заявление в ЗАГС и в следующую пятницу свадьба... моя свадьба... понял, наконец?..

Вовка медленно перебрался на диванчик напротив койки, залпом опрокинул чуть не полный стакан.

-Тогда почему ты здесь?.. – в который уже раз оглядел Вовка каюту из угла в угол. – Зачем ты это придумала?..

-Боюсь, ты так ничего и не поймёшь...

-Ладно уж... как-нибудь постараюсь напрячь свои жалкие извилины.

Марина вдруг надолго замолчала, уставясь твердокаменным истуканом в гладкий пластик переборки. Вовка не мешал...

-Может, выпьешь немножко, и я с тобой, - предложил, наконец, Вовка.

Марина чуть отпила, черты лица постепенно смягчились, она снова улыбнулась.

-Пока хватит, а то я и так с тобой все свои личные рекорды побила.

Марина отодвинулась от столика и легла, плотнее завернувшись в простыню. Вовка не двигался.

-Знаешь... а ведь его тоже зовут Володя или, как он себя непременно называет, Владимир... владеющий миром.

-Ну и что?.. Это имя так и растолковывается, - встрял Вовка.

-Не перебивай, если хочешь, чтобы я разговаривала.... Знаешь, сколько в нём высокомерия и... презрения ко всему окружающему, ко всему, что он считает ниже своего достоинства...

-Как же это он с таким характером офицером стал? - снова не удержался Вовка.

-А где, как не в армии он ещё может так ярко показывать своё превосходство над подчиненными, особенно над солдатами.... да ещё под крылышком папы...

-И это всё, за что ты так ненавидишь своего будущего мужа?..

-Володя, ты извини, но я вряд ли смогу вот так, на словах, обрисовать его полностью, во всех проявлениях... что же касается меня, то я для него не более, чем будущая собственность... красивая безделушка, которой он собирается безраздельно владеть....

-С твоим «удивительно покладистым» характером, я думаю, у него вряд ли это получится.... А внешне-то он из себя что представляет?..

-Да как тебе сказать?.. В общем, почти полная противоположность тебе...

-Надо же... - только и смог выдавить из себя Вовка на такой замысловатый ответ.

На глаза снова попала толстая книжка с красивой девушкой на яркой обложке.

«Как похожи, прямо сёстры-близняшки... - вдруг обнаружил Вовка удивительное сходство. – Так вот она почему здесь!..»

-А я помню тот момент из кино...

-Да!.. Да!.. – в струнку напряглась Марина. - Пусть теперь не тешит своё самолюбие, что он у меня первый!..

-Значит, мне досталось то, что по праву принадлежит другому...

-Да не злись ты... когда ты появился, я сразу решила, что первым моим мужчиной будешь только ты... так и вышло...

-Я всегда преклоняюсь перед теми, кто, несмотря на все преграды, титаническими усилиями добивается поставленной цели...

-Володя, только не надо иронии.

-Что ты, что ты!.. Боже упаси...

-Ну не злись ты... – снова просит Марина. – Иди ко мне. Я хочу, чтобы эта ночь запомнилась мне на всю жизнь, а вместе с ней и ты...

-Как необходимое прилагательное что ли?.. – продолжает ребячески кукситься Вовка, но совсем недолго...

...Вот и утро. К приходу механиков в каюте наведён железный порядок. Марина свежа, как будто не было бессонной ночи...

-Я провожу тебя...

-Не обижайся, но только до катера... меня ведь в нашем рыбацком городе многие знают...

Вовка первым поднялся на палубу. Как назло там толпилось до десятка человек. Вовка попросил всех зайти хотя бы в кают-компанию. Его поняли правильно...

-Марина, а ты не боишься, что от нашего сейнера разговор дойдет до конторы?.. На каждый роток не накинешь платок.

-Пусть болтают... а я ещё позавчера подала в отдел кадров заявление на увольнение и больше в вашей приёмной работать не буду.

-Ну, ты и молодец!.. Да у тебя на десять ходов вперёд всё рассчитано...

До прихода трамвайчика с того берега оставался почти час, чему Вовка несказанно обрадовался. От причала поднялись по мшистой сопке повыше и уселись на большой каменной плите.

-А про десять ходов – это ты правильно сказал. – Вот как папа станет генералом, то я обязательно разведусь...

-Это ещё с какого бока понимать?.. – опять сильно вылупился Вовка. – Да... с тобой не соскучишься, но и особенного веселья не найдёшь...

-Папа утверждает, что он задержался в полковниках, а с новым родственником он очень надеется решить эту проблему и притом в очень скором времени.

-Лет через десять, глядишь, и твой лейтенант станет генералом, вот тогда вокруг тебя будет целое созвездие...

-Ты опять почти угадал. Он поставил себе задачу через тринадцать лет стать генералом... с помощью папеньки, конечно.

-Круто у вас там всё замешано... прямо двор Екатерины Медичи...

-Сейчас везде так...

Долго молчали, каждый думал о своём, а может быть, об одном и том же...

-Марина, где ты была этой ночью?..

-Как это где?.. А... ты вот о чём... папа со своей командой на охоту куда-то в Карелию поехали, ещё не скоро придут. А с мамой мы всегда находим общий язык.... Она не выдаст и под самой страшной пыткой...

-Хорошо, что мама у тебя не полковник, а то бы совсем не до житья на белом свете...

Марина не ответила. С левого берега Кольского залива прямой наводкой был виден ярко-зелёный железнодорожный вокзал и примыкающий к нему свайный причал. Возле причала виднелся трамвайчик – катер, на который гуськом заходили люди.

«Сейчас зайдут все пассажиры, - отрешённо думал Вовка, – катерок порулит сюда и забёрет Марину, которая так и не стала моей... заберёт навсегда...»

-Марина... значит, я больше тебя никогда не увижу, и даже не узнаю, что с тобой станет через год, через два.... Через десять лет?..

-А надо ли это?.. Зачем лишний раз бередить?.. Пусть то, что у нас было вчера, останется только в нашей памяти и... мечте.

-А если я полюбил тебя сильно...

-Я, может, тоже тебя полюбила, но через неделю свадьба.... А ты ещё много раз полюбишь... и тебя будут обязательно любить...

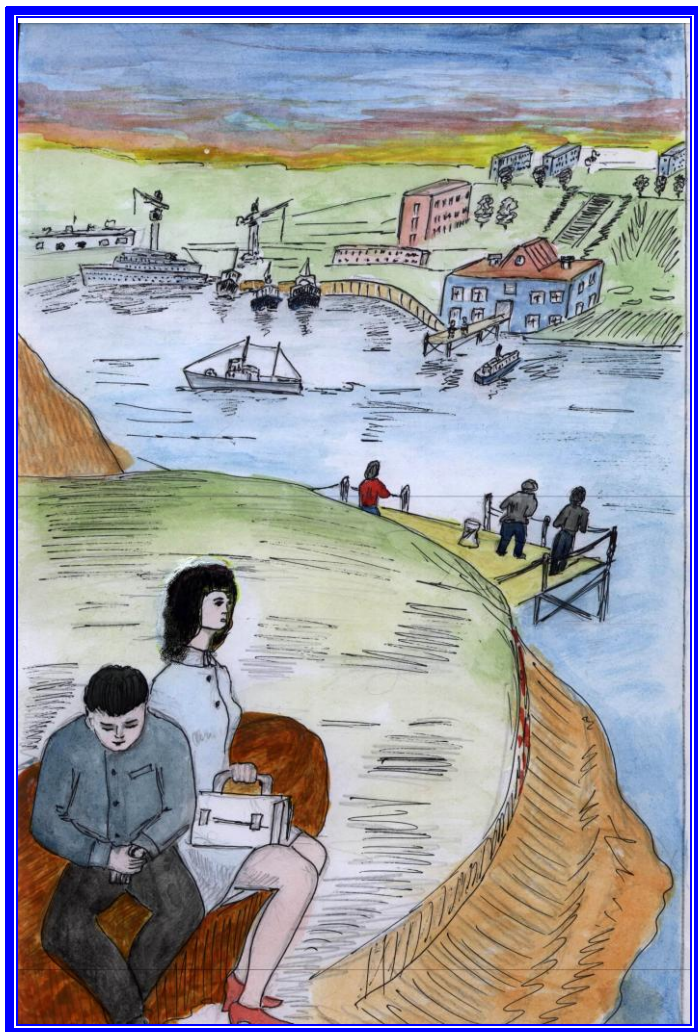
-Ладно... как ты скажешь, так и будет.

Вовка обалдело крутил головой от сопки к сопке. Зацепившись взглядом за какое-нибудь судёнышко, следил за его неспешной походкой, наблюдал за швартовкой траулера поблизости... Он ярко помнил, что с ним было вчера, но никак не хотел понимать, что происходит теперь. В голове было абсолютно пусто. Одна только фраза пронзительно колола то в один висок, то в другой: «Роковая женщина... роковая женщина...»

Трамвайчик начал коротко и басисто гудеть чуть ли не с середины залива, извещая мир и левый берег о своём скором подходе.

-Пошли вниз...

Марина, как ребёнка, взяла Вовку за руку и пошла впереди...

Катер прилепился к причалу, словно к магниту. Вовка внимательно смотрел, как принимали швартов на кнехт, и как по дощатому настилу причала засеменяли шаги прибывших. Их места без лишней суетоки и толкотни занимали пассажиры с левого берега.

Марина продолжала держать Вовку за руку. Последний желающий переправиться уже скрылся в салоне трамвайчика, а Марина так и не отпускала Вовку, словно не могла набраться решимости...

-Эй, вы!.. – крикнул матрос с катера. – Вы с нами или остаётесь?.. Я сейчас трап буду убирать...

-Всё... я пошла...

Марина закрыла глаза. Вовка почувствовал её напряжение. Так, наверное, спортсмены собирают все последние силы и волю перед решающим стартом...

Резко оттолкнув Вовкину руку, Марина быстрыми шагами взшла на катер. Уже на трапе повернулась к Вовке:

-Пиши на главпочту до востребования!.. Я буду проверять...

Вовка, почти не мигая и не отрываясь, смотрел за катером до тех пор, пока тот не причалил к вокзалу.... До рези в глазах всматривался в фигурки выходящих по трапу.

Есть!.. Это она!.. Марина подняла руку и помахала на другой берег... Вовка ответил...

Он снова поднялся на тот самый камень, на котором сидел всего несколько минут назад с Мариной – странной девушкой из неизвестной пока ему жизни с сегодняшними и будущими семейными проблемами. На камне виден чуть примятый мох. Казалось, что вокруг сохранился запах её духов, и даже тепло её тела. Долго Вовка сидел на её месте в тишине и одиночестве.

Из мореходского курса литературы у него в голове надолго засели славные образы русских женщин, и сейчас в голову пришло сравнение с Катериной из «Грозы», которая тоже была не в ладах с семейными устоями, из-за чего совсем молодой погибла в глубоком речном омуте.

«А ведь с её натурой и такой решимостью в действиях, Марина тоже на многое способна.... Но не подобает ей, как дочери и жене офицера, плавать среди пиявок и лягушек в речке или трески и медуз в море.... Только благородная смерть от пули пистолета...»

Вовка чертыхнулся в ответ навязчивой и мрачной мысли, которая, никого не спрашивая, назойливо лезла в голову.

«Не хватало ещё, чтобы такие красивые девушки умирали раньше времени... она ведь сказала, что разведётся, как только папа получит генерала...»

...Вовка писал с моря в Мурманск «До востребования», писал из училища, но ответа так и не получил. А узнал он про Марину уже в Ростове от всё того же Женьки Фролова, который, как и Сашка Назыров, задержался из рейса на месяц с лишним. Он вполне серьёзно переписывался с Верой-Вероникой, и ещё в Мурманске Женька вместе с Петькой Варламовым решили после училища возвратиться в самый северный порт страны.

-Так что, дорогой наш товарищ мичман Панин, по причине свадьбы тот старлей получил капитана, и молодожёны почти сразу же уехали на службу в Германию...

Надя Батайск

В Ростове после рабочей практики основной состав роты мореходов собрался сразу после Новогоднего праздника, который все встречали у себя дома в кругу своих родных и друзей. Но кое-кто и подзадержался.

Именно поэтому конец более чем полугодовой разлуки курсанты праздновали почти целый месяц. То один заблудший нарисует на горизонте, притопавав аж через Индийский океан чуть ли не от берегов Австралии, то другой припрётся из самых южных широт Атлантики, таща за собой, словно богатая невеста, ворох приданого.

«А мне так и не пришлось побывать в загранке, - чуть грустил сам с собой Вовка. – Но ещё не вечер – навестаем»

Из Вовкиной группы пока задерживались в необъятных океанских просторах Сашка Назыров и Витька Колчанов, которые тоже в своё время появятся.

Чуть отлежавшись после длинного перелёта, с как всегда муторной пересадкой в Самаре, Вовка набрался духу и позвонил в библиотечный техникум.

-Да, наши практиканты все дома, - бойко ответили по коридорному телефону, - только Надя сейчас на уроке... Вовка позвонил в переменку...

-А я только позавчера тебе звонила – почему-то сказала, что ты не приехал, - странно тихим голосом сказала Надя. - Как ты?...

-Так что прибыл вчера и полностью в ваше распоряжение! – попробовал, было, пошутить Вовка, но у него тоже что-то не совсем получилось с голосом. – Думаю, что надо бы встретиться...

Что ни говори, а прошедшие целых восемь месяцев сделали свой отпечаток в сознании. Вовка ждал встречи с та-

ким смятением, которого у него не было ещё никогда. Он ведь так и не дождался её писем в Мурманске.

«Скорее всего, они так и кружат по Баренцеву морю в поисках сейнера РС-1012... а, может, уже вернулись в Ростов... если она их писала...»

Всё-таки Вовка решил один не идти. А вдруг Надя не придёт... или придёт не с тем разговором.... Тогда и пригодится крепкое плечо друга и моральная поддержка. К центральному универмагу на Энгельса пошли с Сашкой Дьяковым.

Зима в Ростове не совсем зима, но и далеко не лето. Уж лучше бы была настоящая зима с морозом и снегом, как в Вовкином Зеленогорске, чем то и дело слякоть, промозглые ветры, да снежная крупа за воротник шинели. Вовка стоял на остановке. Мелкая дрожь пробирала его с ног до головы, и он не мог взять в толк – от холода ли это или от сильного волнения.

-Вот так холодрыга, - едва выдавил он через подрагивающий рот и губы.

-Пошли, вальнём по стаканчику – тут же рядом, - сразу предложил рецепт Сашка.

Но Вовка не согласился, хотя признался сам себе, что «вальнуть» надо было раньше, а теперь не хватало ещё, чтобы Надя его ждала.

Надя вышла ровно пик-пик из... соседнего магазина.

-А я уже давно по городу гуляю...

Надя немного приоткрыла рот, чуть склонила на бок голову в зимней шапочке и застыла, внимательно рассматривая Вовку.

-Ну, здравствуй... Володя...

-Здравствуй! – поспешно ответил Вовка. – Ну и холод сегодня, - снова повторил он.

-Поехали в Батайск!... Там нас ждут.

-Вот это да!.. Уже и распорядилась за всех сразу! – почти пришёл в себя Вовка. – А может в кафе сначала. А потом посмотрим...

Вовке не хотелось тут же бросать Сашку, ведь тот всё равно не поехал бы с ними в Батайск. Да и не терпелось ему сразу хоть символически отметить встречу, которой он, теперь уже можно признаться, так боялся...

Кафе на каждом углу и даже прямо напротив. Заняли столик подальше от стойки с барменом.

-Е-моё! – хлопнул себя Сашка в лоб сразу после первого бокала марочного «Донского». – Я же сегодня обещал домой в Анапу позвонить... ждут ведь там...

-Ой, Володя, прямо не верится, что мы, наконец, рядом, - взяла Вовку за руку Надя, когда простыл Сашкин след. – А ты-то хоть чуточку рад?..

-Конечно, рад, что за вопрос?..

-А ты мои письма получил?

-Так я и думал!.. Гуляют теперь твои письма по Северному Ледовитому океану, а я уже и дома успел побывать и теперь вот в Ростове. Так что рассказывай...

Надя рассказала, что практику она проходила в одном из райцентров под Курском и не просто стажёром, а сразу заведующей библиотекой!.. Правда, библиотека маленькая – всего три сотрудника, но вся ответственность по всем вопросам лежала на ней и она с этим справилась с честью.

-Мне дали очень хороший отзыв с просьбой направить после получения диплома опять к ним. А мне и самой там очень понравилось...

-Как у тебя всё чётко расписано, - позавидовал Вовка. – А у нас распределение ещё не скоро будет и я, наверняка, соберусь куда-нибудь на Дальний Восток, лучше всего – на Камчатку...

-Ого.... вот это планы у мореходов - то Мурманск, то Камчатка...

...В Батайске всё было так же, как и в прошлый раз. Снова во главе стола Алексей - капитан сейнера Азовской флотилии, снова полный стол деликатесов. Только в этот раз всё больше спрашивал капитан, а Вовке было что рассказать теперь уже из собственного опыта работы в море.

-Значит, после окончания думаешь на Камчатку...- разливает одну за другой Алексей. - А ведь я там служил срочную, мореходку уже потом окончил.... Эх, до сих пор вулканы с тремя братьями сняты....

-Володя, нам пора, - решительно растаскивает чуть приобнявшихся мариманов Надя. – У тебя увольнение скоро кончится...

Уже на улице Надя сказала, что сама она на предстоящие выходные останется здесь, но его проводит до остановки автобуса, на что Вовка категорически отказался.

-Что я тебе – девочка что ли?.. А как ты потом одна назад пойдёшь?..

В позднем автобусе Вовка представлял Надю за уборкой стола и мытьём посуды, а потом и спящую почему-то в большой кровати среди огромных подушек.

-Интересно, а если бы у меня не было увольнения, и я мог бы остаться с ней... получилось бы у меня так запросто как с... другими?..

Вовка не зря задавал себе такие вопросы. Странное дело, но в мимолётные встречи, которые, порой, и не запоминались толком, у него всё выходило, как и задумывалось.

Но если до решительного действия доходило с девчонками, способными оставить глубокий след в его памяти, то Вовка сильно боялся опозориться, что иногда как раз и происходило на самом деле.

«Не сейчас - так после» – утешал себя в таких случаях Вовка, привыкший, так или иначе, добиваться своего.

А скоро загудела ранняя ростовская весна. Всё больше и больше нервотрёпки с предстоящими госэкзаменами. Вовка с Надей встречались каждую неделю, иногда реже.

-Мы тоже готовимся к экзаменам. С утра до вечера только и бубнят кругом по аудиториям, - говорила Надя при встречах, которые, чем ближе экзамены, тем становились всё реже и короче...

Впереди военная стажировка. Опять предстояло расставание. Вовка думал:

«А ведь, если забраться куда повыше и ускорить бег времени, как это бывает в кино, и присмотреться к моей сегодняшней и будущей жизни, то окажется, что вся моя жизнь только и состоит из расставаний и встреч... Правда, не только моя, но и Сашки Дьякова, Назырова, Колчанова и остальных курсантов. И вообще, в молодости у всех должна быть такая жизнь!.. Ну что с того, если парень окончит школу, отслужит армию (если годен), отучится в институте, а потом на всю жизнь в нору с домашними тапками, пелёнками, кастрюлями и прочей тараканьей бытовухой?..»

И Вовка нисколько не жалел о своей судьбе, а наоборот благодарил её за то, что она когда-то повернула его в сторону мореходки, а потом ещё и позволила в неё поступить. Иногда он делился такими мыслями со своими друзьями, и не было среди них никого, кто бы с ним не согласился.

Незадолго до отбытия в Севастополь, Сашка Дьяков встал посреди кубрика. Это всегда означало, что предстоит

речь. Но в этот раз ожидаемая речь не состоялась - Сашка выдал всего-навсего предложение, но зато какое!

-Предлагаю в предстоящую субботу коллективную прогулку на левый берег Дона в сопровождении наших прекрасных дам!.. После стажировки вряд ли у нас будет такая возможность...

Предложение было даже на первый взгляд заслуживающим одобрения. Ведь курсанты в своих увольнениях чаще всего гуляли и бродили парами, иногда нос к носу сталкивались на той же набережной или в парке Горького, наскоро знакомили своих подруг и снова расходились.

А тут была перспектива всеобщего знакомства и весёлого времяпрепровождения.

-А в купальниках или без? – очень кстати спросил Мишка Романов.

-Тоже мне - нудист из мореходки нашёлся. Может, я и покупаюсь где-нибудь неглиже, но сегодня я предлагаю обычный пляж.

-А я не возражаю, - пробурчал со своей койки Вовка. – Пусть он со своей Людкой без плавок выступят, а мы на них посмотрим. Да и весь пляж скучать не будет...

-Кто как захочет, а я всё же пока предпочитаю купаться в плавках, моя Лилька тоже...

-Ладно, - смеётся Мишка. – Ни одно дельное предложение с вами обсудить нельзя.

Пляж

Вовка ещё ни разу не догадался пригласить Надю на пляж, да и встречались они только по вечерам, когда пляжи уже пустели, а тут предложение чуть ли не с утра - строевые по воскресеньям для четверокурсников давно канули в лету.

Надя согласилась, но очень нерешительно.

-Это что - вроде смотрин у вас будет? – придумала она вопрос.

Вовка подумал, что так оно и получается. Все будут разглядывать его Надю, а он увидит девчонок своих друзей, да ещё в купальниках, как на конкурсах красоты...

-На пляже каждый день столько народа, а ты про какие-то смотрины...

-Ну, ладно-ладно... уговорил... раз все идут, то и мы пойдём.

В назначенное время встретились на набережной – место встречи изменить нельзя. Но девчонок на шестерых курсантов оказалось всего четверо. Витька Колчанов умотал в своё семейное общежитие, Лёшка Педченко переписывался с Людой из Херсона и потому пошёл вне очереди в наряд, у Федыки Зюзикова и Вальки Трунова или девчонки не пришли, или их вообще на этот день не существовало в природе.

Погода, как всегда благоприятствовала. Хозяйничала среди девчонок, а значит и среди курсантов подруга Мишки Романова. Она была под стать Мишке крепка и голосиста. Но ведь казачки все такие – вспомним толстовских (это который Лев) или шолоховских героинь.

-Давайте вон к тому лесочку! – истошно кричит казачка Люба. – Оттуда и до пляжа совсем недалеко...

Кто-то пытается её переубедить, но Люба блестяще и напористо выигрывает спор, и вот уже под раскидистыми деревьями разбита стоянка мореходов и их спутниц.

Девчонки долго не решались сбросить свои лёгонькие летние платица и только когда выпито несколько тостов, они все разом ушли к разноцветным будочкам, стоящим там и сям на горячем песке.

Лилька – девчонка Сашки Дьякова оказалась самой чёрной – но она и без загара была темнее остальных. Лихая казачка Люба и назыровская Танька-слезокапка тоже вдоволь нахватались южного солнца – их загар не успевал сходить за короткую ростовскую зиму. Зато мраморно-белая кожа северянки Нади лишь чуть тронута розовым цветом на плечах.

-Ой, какая же ты белая! – удивляются ростовчанки. – Прямо как из сказки про волшебное зеркальце и царевну...

Вовка вспомнил, что именно в этой сказке красавица царица хвалилась, что она «всех румяней и белее...»

-Вы перестаньте мне смущать Надю! – встал он горой. – Она ещё сможет стать такой как вы, если захочет, а вот вы теперь навсегда головешками останетесь...

Вовка уже не первый раз видел и Любу, и Лилию, не говоря уже о назыровской Таньке, поэтому он не очень-то стеснялся в выражениях.

-Ах ты, защитник из Поволжья! – накинулась на него Люба с чьим-то флотским ремнём. – Сейчас я из тебя и без солнца красного рака сделаю...

Состоялась потасовка, Вовка быстро брякнулся животом в песок, Люба встала ему на спину и совсем уж, было, приготовилась отрубить ему голову, как Юдифь Олоферну,

но Надя вовремя столкнула ростовскую воительницу и прямо на расстеленную скатерть. С этого момента исчезло всякое стеснение, высоко вверх и вокруг распространилось безграничное веселье, умноженное на яркое солнце, на чистый горячий песок, на тёплую и ласковую донскую волну...

К удивлению Вовки и прочих, беломраморная северянка вполне прилично плавала. Надя далеко вперёд вытягивала тонкие руки, разрезая кролем упругую донскую воду. Когда она выходила на берег, то Вовка намеренно оставался подольше в воде, чтобы потом открыто любоваться идущей впереди по песку Надей.

Чуть покатые плечи плавно переходят в уже окрепшую девичью грудь и узкую талию. Бёдра ещё не раздались по-женски вширь, но они плотно сдвинуты – между ними нет той длинной и кривой прорехи, которая присуща вихляющимся топ-моделям на подиумах.

Вовка смотрит на других девчонок, все по-своему хороши, но непонятное чувство – что-то среднее между удовлетворением и гордостью, всё же пробирает его с головы до ног. Однако он допускает, что и остальные пацаны, глядя на своих подруг, думают то же самое.

-Хорошо всё-таки кто-то придумал, – вытягивается Сашка Дьяков вдоль по пляжу.

-Это ты про что?

-Про солнце, воздух, небо, пляж...

-Ты забыл упомянуть про нас среди этого приволья...

-А если бы не было нас и каждого в отдельности, то и всего этого тоже...

-Не Сашка Дьяков, а прямо философ, – вспомнил Вовка английского монаха, который утверждал, что мир существует только в его ощущениях, и даже создал по этому поводу целое философское учение.

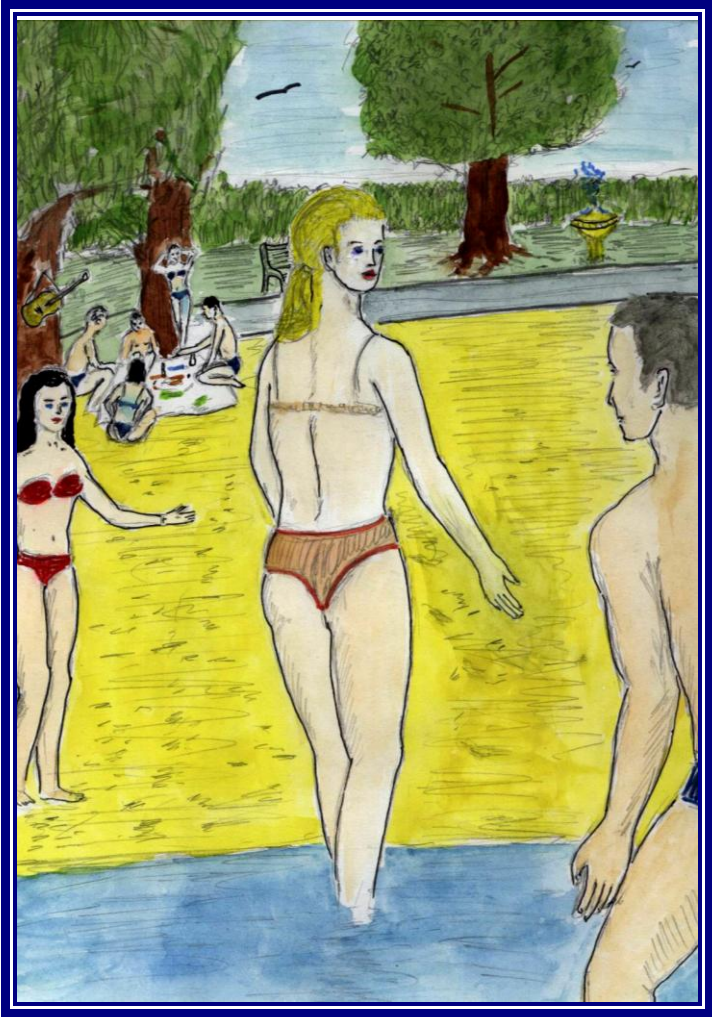
-Правда что ли был такой? – удивились ребята на длинную Вовкину реплику.

-Да, каких только придурков не было....

Первым исчезли Мишка Романов с Любой. Их долго ждали к очередному тосту, но так и не дождались.

-Мы тоже пойдём погуляем, – встали Сашка Дьяков и Лиля, – заодно Мишку поищем. – Где они там закопались?

Возле самобранки остались Назыров с Танькой. Федька Зюзиков с Валькой Труновым уже давно пристали к какой-то компании и хлестались с ними в пляжный волейбол.

-Надя, может, и мы пройдемся?.. - спохватился Вовка.

-Идем...

Вовка думал, что неспроста Мишка с Любой так долго затерялись. Да и Дьяков был не слишком изобретателен, когда сказал, что идет искать непонятно куда потерявшегося Мишку. Вовка тоже знал пару укромных мест через асфальт от пляжа за Ворошиловским мостом. В нём всё больше и больше нарастала решимость и уверенность...

...Сквозь густой подлесок не было не то что кого-то или чего-то видно, но сюда даже не доносился праздный шум с пляжа. Да разве тут дело до кого-то!.. Разгоряченный Вовка целовал Надю вдоль и поперёк, купался в её золотистых волосах, шептал какие-то слова... Уже и верхняя часть бикини спала куда-то сама собой, Вовка ужом вылез из своих плавков, остаётся совсем немного...

-Не надо, Володя...

Вовка чувствует сопротивление, оно крепнет, но и он не ослабевает своего напора.

-Но ведь я... я же скоро уезжаю...

-Потому и не надо... придёт время... тогда...

Вовка перестаёт целовать нежно-белую шею, поднимает голову, видит широко открытые и никуда не смотрящие Надины глаза – в них отразились разом и отчаяние, и страх, и бессилие. Он резко отстраняется, натягивает плавки.

-Не надо – так не надо, - вполне миролюбиво соглашается Вовка. - Успеем ещё...

Как всё-таки быстро кончаются праздники. А через три дня поезд из Ростова в Симферополь. Отъезд с того же пригородного вокзала, что и год назад.

-Володя, если бы ты знал, как мне сейчас плохо... мне почему-то кажется, что в этот раз расстаёмся мы с тобой если не навсегда, то очень и очень надолго...

-Да ну!.. Стажировка всего-то сорок пять суток, а там я снова буду в Ростове!..

-Ты-то будешь... а мы в это время сдадим экзамены, получим дипломы, и я тоже уеду и пока неизвестно куда...

-Не переживай, Надюха!.. Земля круглая – обязательно встретимся и очень скоро!..

Долго ещё под перестук колёс стояла Надя перед Вовкой, а в её глазах, в её огромных глазах, мерцало полярное сияние из слёз...

Военная Стажировка Крейсер

И вот опять он – каменно-стальной город-воин Севастополь!.. Всего год назад курсанты дважды побывали здесь во время незабываемой учебной практики и сегодня они уже на правах бывалых узнавали знакомые проспекты, здания, парки и широкие лестницы от улицы к улице.

-А помнишь это кафе? – толкал Вовку в бок Сашка Назыров...

-А здесь мы фотографировались!..

-А сюда нас привозили на экскурсию! – радостно гомонили ребята, шагая в толпе, чуть напоминающей курсантский строй.

Они уже знали, что их служба предстоит на крейсере «Михаил Кутузов», и сейчас всем им не терпелось побыстрее добраться до порта и взойти на борт знаменитого военного корабля, ещё совсем недавно многолетнего флагмана Черноморского флота.

...В их мореходке всего несколько лет назад была полноценная военная кафедра, но во время очередного сокращения вооружённых сил страны, под сокращение попали и некоторые «особо милитаризованные» мореходки, выпускавшие к обычному гражданскому диплому и флотских лейтенантов запаса.

Однако высокое начальство понимало, что четыре года учёбы в режиме, со всех сторон приближённом к военному, вполне достаточно, чтобы потом опять не пойти на два-три года в казармы или флотские экипажи...

Крейсер «Михаил Кутузов» стоял кормой к причалу. На кормовой палубе или юте торчит вахтенный матрос с повязкой и почему-то огромным кинжалом на поясе. По внутренней связи он быстро вызвал вахтенного офицера. Капитан первого ранга в отставке Виктор Соколов, принявший роту после рабочей практики и сменивший Николая Семёновича,

предъявил нужные документы, и морское пополнение внедрилось на крейсер.

Курсантов расписали по разным отсекам громадного машинного отделения (куда там сейнеру и даже траулеру!..), на жильё разместили в матросских подпалубных кубриках.

Лёгкий крейсер «Михаил Кутузов» стоял в ремонте не первый год, команда его насчитывала не более половины боевого расчёта, поэтому свободных коек было навалом.

-Почему же всё-таки «лёгки»? – недоумевали между собой курсанты. – Ведь такая громадина!.. А сколько пушек!.. И на борту – целая дивизия народа, если считать по сучопутному!..

Только потом военно-морские стажёры узнали от местных командиров, что кроме лёгких крейсеров, существуют и тяжёлые, и разнятся они калибрами главных орудий. Чем больше калибр – тем «тяжелее» крейсер ...

Вовка в числе десяти других курсантов был распределён во вспомогательное котельное отделение, где царил ремонтный хаос и беспорядок.

-Такие котлы и на больших траулерах стоят в качестве вспомогательных, - сразу узнал Сашка Дьяков, которому привалила удача во время практики работать именно на большом траулере.

-Тогда тебе и карты в руки: будешь нам рассказывать их устройство и всё прочее...

Сашка и в самом деле быстрее других сориентировался в котельной, и надыбал самый верхний пролёт с решетчатым настилом, на котором чуть позже (надо же освоиться) курсанты и определили своё главное «рабочее место»

Но при этом ребята уже намётанным глазом заметили, что дело с ремонтом идёт к завершению. Все котлы готовы к работе и береговые ремонтники крутились по вспомогательным механизмам. Один котелок рано утром пускали в работу для нужд камбуза и гигиены, из-за чего в котельном отделении было жарковато – ведь за бортом крымский июль.

Курсантам в первый же день службы всучили в руки скребки и жесткие стальные щётки, определили им цели и задачи, главной из которых стала промывка и очистка отремонтированного оборудования от старой краски и ржавчины с последующей свежей покраской.

Отделение, в котором стал «служить» Вовка вместе с Сашкой Назыровым, Дьяковым, Лёшкой Педченко и другими

ребятами, командовал совсем недавно вышедший на сверхсрочную главстаршина Ферапонт Чайка.

Голубоглазый брюнет с мягким, курносым лицом и круглым подбородком, Ферапонт был молдаванином. Когда в совместных перекурах ростовчане рассказывали ему о своей учебной, а потом и рабочей практике - о морях и штормах, о заграничных с пальмами, ромом, полуголыми мулатками, да в придачу с бананами и кокосами, круглые глаза молдаванина ещё больше становились похожими на ярко-синие пуговицы.

-Да-а... а я три года прослужил – разок только сходил на эсминце в Одессу, да в стрельбах поучаствовал уже в конце службы.... А сюда меня направили, когда я на сверхсрочную согласился...

-Ты не переживай так громко. Крейсер, можно сказать, уже на выходе, а после долгого ремонта его обязательно куда-нибудь подальше закинут. Вот только в заграничные наши доблестных военных моряков вряд ли выпустят...

Энурез

В команде у главстаршины было пока только два матроса весеннего призыва. Полный штат ожидался по окончании ремонта. Один из молодых – ростом гораздо за сто восемьдесят, был столь же неповоротлив, сколь и застенчив до невозможности. Он постоянно стучался то лбом, то затылком о бесчисленную арматуру, трубопроводы, приборы, которые там и сям висели на своих местах.

Да... крейсер огромен. Огромны его надстройки, оружейные башни, просторны верхние палубы. Но в необъятном его чреве зря не пустует ни один квадратный дециметр. Всё использовано для прокладки многих коммуникаций и систем, механизмов, обеспечивающих ведение боя и живучесть корабля...

Но особенно плотно в машинном отделении. Ход крейсеру обеспечивают две мощнейшие паровые турбины по пятьдесят пять тысяч лошадиных сил!... Если такую мощность раскидать по грузовикам типа «Камаз», то из них можно будет составить цепь длиной около десяти километров!..

Турбины, словно паутиной опутаны трубами разных диаметров, на каждой трубе висят приборы, арматура, и между трубами насосы, фильтры, компрессоры, баки всякого размера и назначения.... А в котельном отделении и того теснее.

-Какой же это придурок додумался тебя прислать в котельное отделение! – постоянно возмущался старшина Феррапонт. – Тебе же только на палубе всю жизнь вместо флюгера торчать и никогда вниз не спускаться – даже жрать тебе надо бы отдельно на палубу подавать...

Васёк - так звали некстати высоченного машиниста, только виновато улыбался, потирая очередную шишку.

Второй матрос по имени Петька был обыкновенного среднего роста, и ничего примечательного в нём не наблюдалось. Но и тот всё-таки нашёл способ сильно отличиться. С участием Вовки...

Однажды, как всегда, просвистел отбой и Вовка отрубился. Доставалось как никак иногда за день. Приснилась ему ростовская набережная, где он с ребятами, забыв про всё на свете, гуляет из конца в конец. А вот и Надя: «Здравствуй, здравствуй!..» Поцелуи... но что-то с погодой – явно накрапывает. Вовка смотрит на небо – оно серое и хмурое, дождь усиливается. Они с Надей прячутся под навесом возле морвокзала, но бесполезно – дождь достаёт везде, даже под крышей...

Вовка проснулся. Сверху и в самом деле капало. В койке над ним спал тот самый машинист Петька из котельного отделения.

-Чего это он там вытворяет? – спросонья сразу не сообразил Вовка, но тотчас резко подскочил и одним махом сдёрнул Петьку вместе с матрасом на палубу.

-Ты что?!.. Куда - куда?.. – кудахчет спящий Петька, цепляясь за матрас.

-Это ты что! – рывкнул Вовка, кувыркая Петьку за ноги и плечи.

Рядом, в свете ночника, поднимались проснувшиеся головы.

-Обделался, гад! – во всю возмущался Вовка. - Дуй теперь в галльон досыпать вместе с матрасом!..

Бедный Петька сидел на своём мокром пробковом матрасе и только жалобно скулил, ожидая, что сейчас на него накинута.

-Мне приснилось, что я в уборной в своём огороде, - стучал он в страхе зубами. – Володь, я прямо сейчас всё быстро постираю...

-Во, блин – уборную он на крейсере нашёл... и не надо мне твоего стираного.... Утром, как хочешь, возьмёшь у каптёра свежее... и спать надо мной больше не будешь...

Постепенно страсти вокруг Петьки улеглись. Вовка из угла кубрика взял сухой матрас, у Сашки Назырова простынку (их на каждого положено по две) и проспал спокойно до утра. Вот только Надя в эту ночь ему больше не приснилась.

До обеда Петька, с утра куда-то срочно сбежавший, в котельной так и не появился. Во время обеда в кубрике он подошёл к Вовке.

-Слышь, Володь, я был в санчасти... меня там всего проверили.... Я рассказал врачам про тот случай ночью...

-Ну, а я-то здесь с какого бока?.. Как особо потерпевший что ли?..

Флотская ребятня за столом чуть не покатила вповалку.

-Что случилось ночью это энурез – болезнь такая... с такой болезнью служить нельзя. Я вот тут написал объяснительную, тебе тоже надо написать на листке, как было дело... Может, меня комиссуют или переведут куда-нибудь...

-Энурез... надо же... и название какое красивое придумали...

Но Вовка долго зла не держал, да и не виноват оказался первогодок Петька - больной ведь. Он написал про ночное

происшествие, не забыв упомянуть и про дождь во сне. Только про Надю он промолчал. Через день Петька и впрямь засобирился.

-В береговой госпиталь переводят... так что навряд ли сюда вернусь.

-Попутного ветра!.. Выздоровливай!..

Годки

После обеда в котельном отделении для военноморских стажёров обычно тихий час. Конечно, для них его никто специально не устанавливал – просто у них сформировалась такая потребность. Ребята укладывались прямо на решётчатой площадке верхнего обслуживания, которую ещё в самом начале «службы» обнаружил Сашка Дьяков, не забыв при этом подложить под себя большую и толстую противопожарную кошку. Главстаршина со своими новобранцами (вместо Петьки очень быстро прислали другого) бдил, наводя последний глянец в хозяйстве.

-Слышь, Ферапонт, а откуда это у тебя такие странные имя и фамилия – Ферапонт, да ещё и Чайка?.. – Спросил кто-то из стажёров. - Ты что, на море жил?..

Главстаршина поднялся на площадку и осторожно уселся рядом с курсантами.

-Деда тоже Ферапонтом звали. А про фамилию я ничего не знаю... ни мать, ни отец не знают... дед на войне погиб, так что наше фамильное древо пресеклось...

-Древо-то пока не пресеклось, - поправил Вовка. – Вот когда у тебя будут одни девки, то тогда ваша такая красивая фамилия действительно может исчезнуть...

А главстаршина, в свою очередь, с тайным умыслом подробно интересовался курсантской жизнью, учёбой, вступительными экзаменами.

-Уж не поступать ли задумал, дорогой наш Ферапонт?..

-А чем, ребята, чёрт не шутит, когда Бог спит.... Вот отслужу положенную сверхсрочную и сразу в Ростов...

-Молодец!.. Из главстаршины тут же получится старшина роты... да и вступительные экзамены без конкурса, что для тебя совсем даже не лишнее...

С этого дня все стажёры котельного отделения считали своим долгом хоть что-то преподать из курсантской бивальщины своему временному командиру...

Вечерами, после спуска флага, курсанты и матросы крейсера собирались на баке и полубаке, где отдыхали за травлей всевозможной баланды, за домино, некоторые за шахматами. Здесь же негромко тренькала гитара - обычно это был кто-то из ростовских стажёров.

Не сразу, но до ребят дошло, что на верхней палубе существует определённая иерархия. На баке, ближе к форштевню, там, где сходятся правый и левый борта корабля, сидят «годки» что по сухопутному означает «деды», ниже к полубаку заседают служивые помоложе, и так до самых, что ни на есть, салаг. Ростовчанам было начхать на эту иерархию, их нисколько не интересовали ступеньки флотского роста, и они могли заседать в любом свободном месте, и даже на корме, и при этом их самолюбие нисколько не страдало.

Годкам такое положение не нравилось, но они бухтели только между собой, потому как ростовчане всё-таки их форштевень не задевали. Но всё же без конфликта так и не обошлось, и получился он утром. Только Лещенко – курсант из 126 группы, крепко прижал годка в умывалке...

Большинство умывальников на крейсере были закрыты на ремонт и к редким соскам с утра пристраивались тихие очереди. Только с бритвенным прибором и полотенцем через

плечо мирно стоял в одной из таких очередей, когда мимо него, вихляясь, протиснулся в самый перед матрос в глубоко декольтированной тельняшке и с наколками на голых плечах. В очереди молчали.

-Ты куда это разогнался? – схватил Толька лихого парня за ремень, несмотря на то, что в нём сразу угадывался годок.

-Заткнись, ты, салага синяя... знай своё место в заднем проходе...

Толька Лещенко – один из лучших спортсменов роты, одной левой выдернул наглеца из очереди за тот же ремень и потеснил его в угол, где совсем, было, собрался выяснить отношения.

-Эй, парень, это же годок, - зароптала матросская молодёжь, - не связывайся с ним...

-А мне плевать через три колокольни, что он... это для вас он годок...

Но Толька всё же не стал обострять обстановку и отпустил временно притихшего годка, хотя и принял туалет вперёд него.

Вечером состоялась разборка. Самые авторитетные годки, после первых препирательств, всё-таки признали, что утрешний годок был не прав, но и ростовский зря опозорил его перед салагами.

-Мы на этом корабле по три года без малого отдали, а вы за две недели хотите свои порядки установить...

-Нам ваши порядки до фонаря и лампочки, но мы тоже четыре года морскую форму носим и не меньше вашего службу знаем, - парировали ростовчане. – И кто из вас «годки», а кто салаги – нам тоже без разницы...

-Да вас и матросами-то назвать нельзя!.. Вы же ещё присягу не приняли...

-Мы свою присягу четыре года назад приняли, когда заполнили анкету моряка заграничного плавания, - с ходу отбили зубастые курсанты. – Вы за три года моря-то по настоящему не видели, а каждый из нас уже имеет по восемь-десять месяцев чистого плавания в морях и океанах...

Вспомним того же главстаршину Феропонта Чайку, три с лишним года прослужившего у стенки.

Годкам здесь крыть было нечем... И в самом деле некоторые морские вояки годами стоят у стенки, и без никакого морского простора. Даже на таком замечательном крейсере.

...Однажды человек десять ростовских стажёров срочно направили на Минную стенку, куда должен был подойти корабль с важным адмиралом на борту. Минная стенка и без того всегда выдраена не хуже вестибюля Большого театра, но раз адмирал....

Этим и занялись курсанты под неусыпным досмотром местного главстаршины.

Скоро внимание курсантов привлёк подошедший к стенке небольшой военный кораблик с маленькой пушечкой на носу. Ростом он не больше сейнера. Вдоль причала у стенки было много свободного места – можно швартоваться и кормой и любым бортом и даже носом, но бедолага – кораблик, с бегающими по его палубе матросами, смог закрепить швартовы при спокойной и чистой воде только с третьего захода!..

-Эх вы!.. Тоже военморы... - подкидывали реплики курсанты в сторону главстаршины, стоявшего рядом и тоже наблюдавшего за швартовкой. –А как же вы в море корабль к кораблю швартуете?.. Или у вас такого не бывает?..

Но главстаршина из сверхсрочников вряд ли мог оценить сегодняшнюю швартовку, скорее всего другого он не видел, и поэтому многозначительно и сурово помалкивал...

На всех флотах умение швартоваться – главный показатель мастерства штурманов и боцманской команды, а такую швартовку ростовские мореходы видели впервые.

Вовка сразу вспомнил, как его мурманский сейнеришко швартовался к перегрузчику в открытом море и при шестибальном шторме.

-Вот это швартовка!.. Средний ход! – малый ход! – малый назад! – стоп!.. И пароход привязан в самую точку...

Случай на Минной стенке при вечерней разборке стал одним из самых козырных в пользу курсантов. И всё же не это главное. Ведь ростовских мореходов было девяносто человек, и все они всегда были готовы друг за друга стоять на смерть.... А годки по одному-двое разбросаны по разным кубрикам. Да и не все они были вроде того – с наколками из умывалки...

-Значит так!.. – привычно отрубил ростовский старшина Величко. – Мы вас не трогаем, но и вы впредь курсантов обходите стороной.... А присягу наши ребята примут – это уж точно...

На том и порешили.

Присяга

Через три недели, когда ростовчане как следует пообтёрлись на крейсере, узнали, что такое БЧ-5, БЧ-2 и БЧ – раз, ещё кое-что важное и нужное из боевого и мирного флотского распорядка, по роте было объявлено о предстоящем принятии присяги.

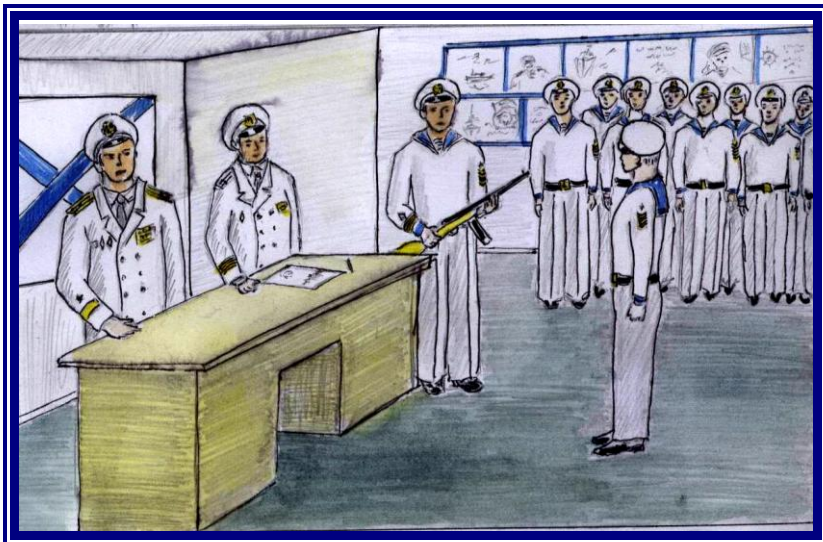
На крейсере есть и довольно вместительный красный уголок, переборки которого увешаны стендами, посвящёнными жизни корабля, его истории, бывшим и настоящим славным членам экипажа.

Здесь полностью сумела построиться вся рота ростовских курсантов, правда в ломаную линию, но всем был хорошо виден по-военному строгий стол со списками и текст военной присяги, убранный в чеканный красный переплёт.

За столом стояли замполит корабля – капитан второго ранга, рядом с ним в полной форме командир ростовчан – капитан первого ранга в отставке Соколов Виктор Михайлович. Он принял роту у Кислова только за месяц до стажировки, но курсанты за это время успели крепко зауважать отставного каперанга за твердолюбую в хорошем смысле прямоту и насквозь флотское понимание жизни. Сейчас он стоял перед

строем курсантов и выглядел куда внушительнее полноватого и на голову ниже замполита.

Старшина роты Василий Величко ещё до мореходки принял присягу в десантных частях и ему не было нужды стажироваться на крейсере, но он не оставил свою роту и теперь стоял также перед строем. Ему поручено вызывать курсантов из строя поалфавитно.

Замполит долго (так, наверное, положено) говорил о священной воинской обязанности каждого защищать Родину, о доблести и геройстве, о подвигах моряков-черноморцев в Отечественную войну и в мирное время.

-Достоинно примите эстафету из рук своих отцов и дедов, крепите оборонную мощь нашей великой и непобедимой Родины!..

Величко хорошо поставленным командирским голосом вызывал очередного курсанта и вручал ему автомат Калашникова. Курсант чётким строевым шагом маршировал к столу и громко представлялся. Получив текст присяги, также громко его зачитывал и расписывался.

-Поздравляю с принятием Военной Присяги!.

-Служу Советскому Союзу!..

Вовка Панин тоже принял от Величко автомат и произнёс главную клятву в своей жизни.

После принятия присяги для военно-морских стажёров был торжественный обед, на котором командир роты ещё раз поздравил новое пополнение защитников отечества, пожелав всем прямой дороги и мирного моря на всю жизнь далеко вперёд...

Дальше всё пошло тем же чередом. Курсанты остервенело драили трубы, всевозможные механизмы, переборки, и было здорово видеть после себя всё увеличивающееся, встающее из руин и сверкающее новой краской пространство, сплошь забитое оборудованием, каждая единица которого служит строго определённой цели.

С курсантами в количестве десяти человек для вспомогательного котельного отделения был явный перебор, здесь всё блестело ещё до присяги, но долго стажёрам сачковать не пришлось. Заглянувший с обходом командир БЧ-5 инженер-капитан третьего ранга Бильман похвалил Ферапонта за образцовый порядок, и дал кому-то команду перебросить курсантов на другой фронт, но, видно, в череде неотложных дел тут же забыл, и курсанты ещё пару дней пребывали в неизвестности.

На китобазе «Советская Украина»

Обыкновенным утром Ферапонт растолкал чуть прикорнувших (теперь уже и сразу после завтрака) ребят:

-Подъём.... Там «покупатель» пришёл с китобазы. Запросил как раз десять человек чистить топки котлов. По двадцать рублей на рыло обещает!.. Эх!.. Сам бы пошёл, да мне нельзя...

У матросов нет вопросов! На палубе, возле вахты на юте, их ждал мариман с китобойной базы «Советская Украина». Ферапонт под расписку сдал ему ровно десятерых ростовских, и те гуськом потянулись по длинному причалу за своим новым «владельцем».

Но «Советская Украина» стояла от «Михаила Кутузова» всего через несколько бортов. И вскоре курсанты поднялись со своим провожатым на палубу известной на весь мир китобазы. Спустились через несколько нижних палуб в большую каптёрку, где мариман выдал первый инструктаж:

-Ребята, задача сложная и, прямо скажу - грязная. Нужно выбрать золу из-под котлов. Работа не столько тяжёлая, сколько грязная и вредная. Вам нужно полностью переодеться – даже трусы свои снять, оденете вот это, – показал

он на груди спецодежды. - Оно хоть и б\у, но после прачки, ботинки можно на босую ногу – там тепло. Очки, респираторы, рукавицы – всё возле котлов.

-И много под котлами этого добра – золы?..

-Обычно такой командой часов за шесть – семь управлялись.... Да!.. Самое главное – как насчёт китобойного завтрака?.. Может, сначала заправимся?..

-Что за вопрос?.. С этого и надо начинать!..

Только что закончившийся крейсерский завтрак состоял из стакана чая и пары бутербродов с прозрачным слоем масла, что для растущего организма явно недостаточно. А в китобойном флоте сегодня на завтрак подавали: кофе или чай на выбор, белый хлеб с маслом, сыром, ветчиной – тоже на выбор, яйца всмятку, плитки шоколада... Ребята выбирать ничего не стали, а употребили всё подряд, да ещё по три стакана кофе со сгущёнкой!..

-Молодцы!.. – подошёл, ставший совсем свойским, мариман, который ещё на крейсере представился Гаврилычем. – Кто как работает, так и ест... так что после работы гарантирую, кроме червонцев, царский обед...

Из столовой ребята, полные весёлого настроения и вкусной еды, кувырком скатились по многопролётному трапу в самую глубь машинного отделения. За ними степенно спустился Гаврилыч с ворохом синей робы.

-Вот они котлы-котелочки. А вон там, внизу, зола. Её надо засыпать в мешки, - кивнул он на стопку бумажной тары. - Так что Бог в помощь.... Если что - звоните по телефону, да я и сам почти всё время буду рядом...

-Вот этого как раз и не надо... Вы нам задание дали – наше дело сделать. А то будете над душой висеть... Мы это не любим. А закончим – сами позвоним...

-Ну, как хотите...

И Гаврилыч перешёл по делам в другой отсек громадного машинного отделения. Ребята остались одни против котлов, под которыми кучи золы.

Как было сказано, сбросили всё своё – курсантское, на голые тела напялили штаны, наглухо застегнулись в такие же куртки, завязали шпагатом рукава и штанины, головы заматали белым рваньём из простыней. Очки и марлевые респираторы окончательно придали им вид зачуханных бойцов из химической роты.

-Ну!.. Кто первым в преисподнюю?.. Давай быстро жребий...

Первыми в лючину полезли Сашка Назыров и Лёшка Педченко.

-Вот это жарожища!.. - услышали верхние через люк. – Тут свариться запросто можно...

-Вы что – забыли, что курсанты не тонут и не горят...

-Про «не тонут» помним, а вот насчёт свариться – разговора не было...

Ребята разбились на пятёрки, и дело пошло одновременно под двумя котлами. Первый мешок вышел из люка...

-Всё!.. Больше не моги! – через пятнадцать минут полезли Сашка с Лёшкой. – И респираторы уже не пропускают – новые надо.

-Леха!.. А чего это у тебя на голове? – увидел Вовка красное пятно на платке из простыни.

-Да шарахнулся об какой-то угол...

-А мы, было, подумали – ты девственность потерял! – заржал Мишка Романов. – Всю простыню искровянил...

Но кровотокающая шишка оказалась не на шутку, и Лёшку больше до самого конца под котёл не пустили. Рану обработали из здешней аптечки. А работы и наверху хватало.

Вторыми залезли Вовка и Витька Колчанов. Проклятая зола, как её не старайся тихо и бережно складывать совком, тут же заклубилась перед очками. Пробовали поливать водой из шланга, но кроме жидкой грязи ничего не получилось....

И всё-таки больше всего убивала жара. Голова перестала чувствовать своё раскалённое тело, она управляла им словно роботом. Вода, закачанная в желудок из просунутого шланга, тут же испарялась через ставшую насквозь дырявой кожу, оставляя сухой забитую золой робу. Дышать становилось всё труднее, казалось, зола першит уже не только в горле, но и залепила все легкие...

Каждой двойке досталось по восемь таких ходок. Когда Лёшка с верхним напарником оттащили от люка последний мешок, возле каждого котла лежало по четыре серых полутрупа.

-Ну, ребята никак не ожидал, что такую прорву золы можно вытащить за пять часов, - радовался Гаврилыч, заглядывая с переноской под свои котлы. – Давайте-ка пока в душевую, там смоете первую грязь, а потом я вас отведу в санузел.... Там уж, как следует и помоемся, и попаримся....

-Да нас мёдом не корми – дай только в горячей золе поковыряться, - пытались подшучивать над собой совсем не павшие духом ударники подкотельного труда.

**Крейсер «Михаил Кутузов»
на вечной стоянке в Новороссийске**

Ребята яростно сбросили окаменевшие робы, словно черепахи свои панцири, и прыгнули в душ.

Обед, как и обещал Гаврилыч – ломился на длинном столе. Он и в самом деле был царский...

-Эх, вот бы нам такое в мореходке, да с первого курса! – загорелись глаза у Сашки Дьякова.

-Тогда сегодня ты бы ничего не заработал, - не преми-нул Вовка.

-Это почему же?..

-Не смог бы по причине живота под котёл залезть....

Прошло сорок пять суток. За день до отправки в Ростов стажёрам было объявлено, что всем курсантам присвоено звание старшины второй статьи. Величко сержантские погоны сменил на мичманские, правда, срочной службы. Кроме этого, тот же замполит, который принимал присягу у ростовских, поблагодарил бывших стажёров за серьёзную помощь, оказанную в ходе ремонта крейсера. К этому времени «Михаил Кутузов» уже отошёл от стенки и встал на Севастопольском рейде, готовясь к ходовым испытаниям...

Прощай, Ростов...

Чем ближе надвигался день прощания с училищем, тем непонятнее становилось на душе. Ясно, что безоблачная курсантская жизнь быть бесконечной не могла. Кончится постоянное от зари до зари общение с друзьями, за четыре года ставшими в доску своими.... Распадётся мореходское братство и для многих, возможно, навсегда. Кто-то прочно обоснуется на Дальнем Востоке, на Сахалине, на Камчатке. Кто-то в Мурманске, в Таллинне или в Севастополе с Одессой.... А кто-то сразу вернётся в Ростов или по своим весьям...

Ежегодные встречи десятого августа возле главного корпуса не могут стать возможными для всех. Кто-то обязательно будет в море, кто-то, наверняка, будет занят своей житейской текучкой, а кого-то и вовсе засосёт бытовуха...

Вовка бродил в одиночку по экипажу, заглядывал в кубрики, в которых жил на первом, втором и третьем курсах, смотрел на койки, тумбочки и рундуки, которые когда-то принадлежали ему, прощался с родными стенами.

Нет, его несколько не пугало близкое и далёкое будущее. Направление в кармане, работа на судах, с которой он уже был на короткой ноге целых полгода в Мурманске и предстоящие скорые встречи с зеленогорскими друзьями и родными перед перелётом через всю Россию на Камчатку – всё, казалось бы, должно смягчить горечь предстоящей разлуки. Но сознание того, что прошли безвозвратно годы ученичества, а ведь это целая эпоха, даже если она длилась всего четыре года, никак не хотело оставлять его...

Нади, как она и говорила, в Ростове не оказалось. В своём последнем письме на крейсер она писала, что вытянула таки красный диплом, и её оставляют в Ростове, если она сама пожелает. Но пока она не решила: или сразу идти в институт или сначала поработать для опыта...

«Уже две недели она в своём Беломорье... - маялся Вовка в своих раздумьях по коридору курсантского экипажа. – Как же дальше-то?..»

Сразу после прибытия в Ростов, курсанты, теперь уже бывшие, получили дипломы, военные билеты и кучу подъёмных рублей, особенно те, кто отбывал на Дальний Восток или Камчатку. Стоял август - время курсантских отпусков, половина преподавателей и командиров тоже разошлась по отпускам, но последнее напутственное слово произнёс, как и положено, начальник училища – капитан дальнего плавания Александр Кипариди.

-Теперь уже с полным основанием можно затвердить, что вы состоявшиеся моряки. И через считанные недели перед вами вновь, как и в рабочую практику, откроются моря и океаны, но, если после рабочей практики вы снова собрались в этих стенах, то завтра вы навсегда покинете свои экипажи, расстанетесь со многими своими друзьями. Вы разъедетесь во все стороны света. Такого распределения: от Мурманска до Одессы и Севастополя, от Риги и Таллинна до Владивостока и Камчатки в нашем училище ещё не было...

Кипариди замолчал, обводя взглядом ряды штурманов и механиков, словно запомнить всех в лицо.

-Хочу пожелать вам всем прежде всего простого и уверенного пути, по-морскому твёрдо решать трудности и, конечно же, никогда не пасовать перед любыми преградами.... Не забывайте своих преподавателей и командиров, и своих однокашников. У нас, как и во многих других училищах, существует традиция встреч по примеру великих лицеистов, но морские дороги пересекаются редко. И всё же не упускайте любую возможность для дружеских встреч в стенах родного училища, где вас всегда будут ждать...

После Кипариди выступили преподаватели и командиры, потом курсанты, которые однообразно благодарили преподавателей и командный состав за отеческую заботу, и полученные знания, за открытые пути-дороги, за добрые напутственные слова.

И вот, наконец «Прощание славянки». Приглашённый оркестр из Дома офицеров (свои духовики в отпусках) старался вовсю. Все в зале встали. Вовка ещё не знал, что именно этот марш провожает и встречает суда из длинных рейсов, независимо – военное оно или гражданское. А сегодня «славянка» провожала бывших курсантов из стен училища...

Из главного корпуса вышли с Сашкой Дьяковым.

-Пошли на Братский – вальнем по стаканчику... сегодня такой день...

К ним тут же присоединились Эрик и Сашка Назыров. Летнее кафе на Братском открылось недавно, и стояло оно чуть не впритык к экипажу.

-Ну что... за встречу на Дальнем Востоке...

Эрика ждал Владивосток, Дьякова - Находка, а Вовку с Сашкой Назыровым камчатские вулканы.

Разлили... тягостное молчание остановилось над столиком и вокруг. Сегодня не только у Вовки скребли кошки на душе.

-Да... такое вполне возможно, - наконец, выговорил Сашка Дьяков. - Ведь из Владивостока до Камчатки и обратно пароходы друг за другом ходят. Авось и нам подфартит...

-Вы с Эриком во Владивосток с Находкой едете, на рефрижераторный флот, а там, в основном плавбазы.... А у нас направление в Камчатский тралфлот. Так что мы будем ловить рыбу и на ваши базы сдавать - там и встретимся...

-Сашк, а ты когда думаешь на Камчатку? - спросил Вовка Назырова.

-Ещё не думал... через месяц, наверное...

-На Москву сначала?..

-А как же мимо неё.

-Я тоже уже проложил маршрут через Казань, Красноярск, а там и Камчатка. Так что с вами-то я обязательно встречусь. Вы же с Лёхой вместе полетите.

-Конечно...

-А я на поезде решил проехать через всю Россию - От Москвы до Владивостока... Дьяк, поехали на пару, - удивил всех Эрик.

-Подумать надо... десять суток на поезде пилить - тоже, наверное, замаешься...

Вовка думал, что на поезде, конечно же, интереснее, но укорачивать свой последний курсантский отпуск сразу на десять суток, ему никак не хотелось - когда ещё с той, пока непонятной, Камчатки отпуск получится...

Вечером в столовой состоялся прощальный ужин, были задравные речи и дружеские тосты. Здесь ребята впервые увидели, как выпил их командир Николай Семёнович за свой первый выпуск. Поздно вечером разошлись по кубрикам, где прощание продолжилось...

На другой день поезда и самолёты, а кое-кого из курсантов, пригородные автобусы и даже трамваи устремили прочь от мореходских стен, надёжно защищавших их от всяческих напастей целых четыре года...

В деревне Дед Яков

До аэропорта Вовку проводили Сашка Назыров и Дьяков. Последнюю ночь в экипаже все провели вместе: и ростовские, которые утром разъехались на трамваях и автобусах, и такие, как Вовка или Витька Колчанов, которым пилить да пилить до дома...

-Ну, пока.... Счастливого полёта...

-До встречи на Камчатке через месяц...

Вовка с тоской смотрел из иллюминатора на Ростов с его пригородами, узкую с высоты ленту Дона с крохотными судёнышками на блестящей воде. И вот уже так придавило внутри, что пришлось несколько раз глубоко и протяжно вздохнуть, чтобы притушить влажный блеск в глазах, чтобы ненароком не увидел кто-нибудь рядом.... А ведь сегодня он летел домой...

Два часа хмурого перелёта и Вовка в Самарском аэропорту. Там он снова пересел на знакомый, трескучий АН-2, на котором вполне благополучно долетел до Бугульмы.

Дома его, как всегда, не ждали. Не то, чтобы совсем не ждали, но Вовка никогда не сообщал о точном времени своего приезда и всегда появлялся внезапно. Вот и сейчас он узрел мать в огороде, которая что-то копошилась возле грядок.

«Отец на работе, Генка тоже... Младшие по улицам болтаются...» – подумал Вовка, открывая калитку.

Но на громкие «ахи и охи» матери тут же нарисовался Генка. Он по давней привычке загорал на раскладушке среди ягодных кустов. После бурных приветствий сразу перешли к делу.

-Я точно прикинул, когда ты прикатишь. Взял десять дней в счёт отпуска со вчерашнего дня. Дело в том, что на прошлой неделе из Новых Сосен приезжали Колька с дядей Филиппом. Три дня у нас погостили и очень звали к себе, когда ты приедешь. Особенно Колька настаивал. Его этой осе-

нюю должны в армию забрать, так он на флот попросился, не смотря на то, что там срок службы на целый год больше...

-Ну и правильно. На флоте всегда есть чему поучиться, там его три года зря не пропадут.

Мать вовсю хлопотала возле плиты вместе с подоспевшей сестрёнкой, но то и дело вставала в разговор, наполнив высовываясь из кухонной двери:

-И к дяде Семёну обязательно зайдите, они недавно присылали письмо и тоже в гости всех звали... Да нам с отцом сейчас не время...

Вовка безоговорочно согласился с братом. Ведь за четыре года учёбы ему ни разу не пришлось побывать в деревне, куда до училища он ездил почти каждое лето хотя бы на недельку.

Подошли Васёк с Шуркой. Витька Венедиктов ещё в прошлом году окончил педучилище и теперь работал по распределению в одном из сёл соседнего района учителем рисования. А ведь раньше Вовка ни разу не видел его с кисточкой. Ребята вышли в садик, где присели за маленький столик.

-Когда вас-то забреют? - поинтересовался новоиспечённый флотский старшина у своих друзей. - Все сроки уже давно вышли...

Из писем он знал, что Васёк не ушёл служить со своим годом из-за перелома ключицы, который он умудрился заполучить уже с повесткой в руках и наголо стриженным. За неделю до военкомата он «выбрал» кювет поглубже, и загремел туда вместе с мотоциклом и весёлой подружкой. Подружка с мотоциклом ничего, а Васёк загипсовался на целый месяц.... Шурка Иванчин попался с какой-то болячкой внутри живота, его тоже пока оставили.

-В этом году в октябре или ноябре обещают забрать обоих, - заверил Васёк. - Так что теперь долго не придётся встретиться...

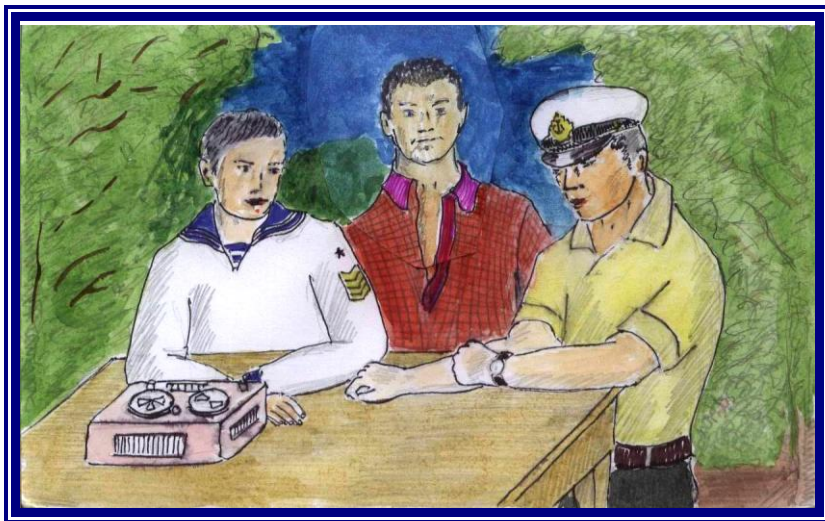
А пока ребята оба работали на местном филиале Казанского авиазавода по токарному и фрезерному делу.

-А как Светка поживает?.. Замуж не вышла?..

Вовка давно хотел задать этот вопрос. После восстановившихся, было, отношений, он написал ей несколько писем из Ростова, а потом из Мурманска. Сам тоже получил, но это были уже не те письма, которых он всегда ждал из Зеленогорска с замиранием сердца. Переписка постепенно заглохла. Так тухнет костёр, если в него не подкладывать вовремя дро-

ва... И ещё ведь у него была большеглазая северянка Надя. Но дома в него опять какой-то бес вселился...

-Твоей Светки в Зеленогорске давно след простыл, - ворчливо насупился Васёк. – Она тут ещё с несколькими парнями крутила, а потом её то ли исключили из училища, то ли сама она бросила, но в последний раз я её видел ещё в прошлом году перед Новым годом...

-Красивая всё-таки она девчонка, - отвернулся на молоденькую яблоньку Вовка.

-Вот они красивые-то и раньше других с ног валяются.

-А некрасивые по-твоему упираются?.. Просто их толкнуть никто не хочет...

-Хватит вам заводитьсь! – накинулся Шурка на спорщиков. – Вон Алька с Тагиром идут, да и стол уже готов.

Вовка почему-то никогда не рассказывал своим друзьям о мимолётных девчонках в Ростове. Не говоря уже о Наде. Наверное, боялся, что разговоры эти могут дойти до Светки. А может, просто не считал нужным...

В доме Паниных, как и во всех русских и не русских домах, встречи без застолий не обходятся. Вот и в этот раз засиделись допоздна.

-А после армии что будете делать? – через стол спрашивал своих друзей Вовка.

-Мне в мореходку поздно будет поступать, да и врачи что-то нашли.... В армию-то ещё можно, а мореходскую комиссию я теперь навряд ли пройду, - вспомнил Шурка свои ростовские кручения – верчения.

-А я ничего пока не придумал, - заулыбался Васёк. – В институт даже наш нефтяной я не пройду - уж больно по русскому у меня плохо. Может быть, попробую в наш техникум поступить заочно или на вечерний. Учиться-то всё равно надо. Хорошо ещё, что после армии без конкурса...

Серёга Венедиктов и Амирка Минибаев – почему-то надумали поступать в Казанский юридический. Алька Арсланов с Тагиром уже перешли на второй курс нефтяного института...

...На другой день Вовка с Генкой собирались недолго. До родной деревеньки их взялся подбросить по короткой дороге через Шугурово Генкин друг и однокурсник по нефтяному институту Раис. У того каким-то образом оказался самый настоящий горбатый «Запорожец». Машина маленькая, но юркая, как блоха.

Грунтовая дорога местами была заделана старым, окаменевшим асфальтом, что ещё более увеличивало количество и качество колдобин. Так бедный «Запорожец» по этим колдобинам не ехал, а прыгал, как та самая блоха - с кочки на кочку.

По дороге в Шугурово Вовка ездил всего один раз. И было это во время на всю жизнь запомнившегося путешествия на плоту в Шешминскую крепость. Теперь он с неослабным интересом крутил головой по сторонам, узнавая те же самые высокие горы, колхозные фермы, заглавные сельские здания и заводик, который всё так же коптил по-чёрному.

По давней привычке он просил Раиса остановиться всякий раз, как только доезжали до очередного родника. Пил под пробку и в душе жалел Сашку Назырова и вообще всех ростовчан. Ведь самое плохое, что есть в Ростове – это дрянная вода из кранов и особенно летом – тёплая и мутная.... И вообще - на юге везде плохая вода, кроме, разве что, горных районов....

Через полчаса снова родник и, странное дело, Вовка снова куда-то пил.

-У тебя что – ноги пустые? – посмеивались Раис и Генка.

-Попили вы бы с моё ростовскую воду – вас тоже бы за уши не оттянули от таких родников.

-Не успел мореходку кончить, а уже Ростов для тебя стал плохой, - тут же пристыдил Генка.

-Да ты что?!.. При чём Ростов и при чём вода?.. Это же две большие разницы. Ростов – это моя вторая родина...

-А Новые Сосны тогда для тебя что?.. И Зеленогорск с улицей Донской?..

-Зеленогорск и Новые Сосны – это для меня одна первая родина, тем более что расстояние между ними всего шестьдесят километров, - твёрдо ответил Вовка на заковыривший вопрос.

В Шугурово Вовка ещё раз попросил остановиться и немного постоял на том самом мосту, на котором стоял ровно пять лет назад. Вокруг ничего не изменилось: так же коптит небо хмурый заводик под высокой горой, изрытой мелкими пещерами и шурфами, так же стоят те же самые домишки и сараи, сложенные из камня без раствора.

Почти сразу за Шугурово перекосившаяся от пригорка к пригорку деревушка Ерыклы. Это граница между Татарией и Куйбышевской областью. Раиса знакомые шофера предупредили, что в этом месте самый гиблый участок дороги, да тем более, здесь недавно полосой прошёл дождь. Но об осторожности забыли все. Спустившись от пограничной стелы (серого деревянного столба с треснувшей стрелкой, смотревшей в землю) под крутой овраг, «Запорожец» плюхнулся по самое брюхо в коварную колдобину.

-Разве я предполагал, что яма такая глубокая... думал, что просто лужа в колее...

-Вот теперь здесь заторчим, - затосковал вслух нулевой автомобилист Вовка.

Но Генка с Раисом сбросили башмаки и, закатав выше штанины, дружно ухватились за передний бампер.

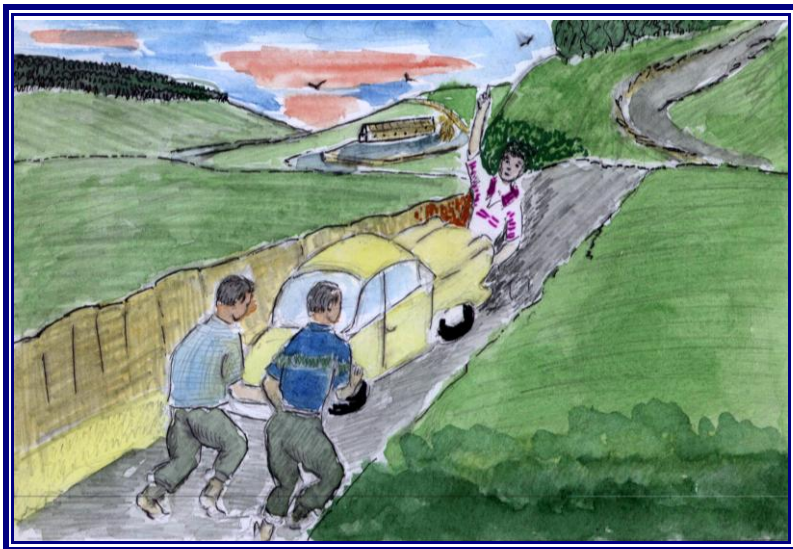
-Не бойсь!.. Не в такие канавы попадали...

Вовка тоже зацепился за машину, и передок быстро развернулся ровно в том направлении, куда было надо. Так же вытащили и кормовую часть.

-Одно из главных преимуществ горбатого «Запорожца»! – поднял палец Раис. - Его высокая проходимость, сравнимая с лучшими мировыми образцами внедорожников... Особенно, когда рядом есть хотя бы одна дополнительная человеческая, а лучше лошадиная сила...

Дальше до самых Сосен доехали вполне нормально, и скоро состоялась первая встреча в родной сторонке...

-Володька!.. Ты ли это?!.. – возопил Колька, слетев головой вперёд с крыльца. – Ну и вымахал!.. Ты же такой махонький был...

Вовка и в самом деле за мореходские годы увеличился на целых двадцать сантиметров, и уже к третьему курсу прочно переместился с левого фланга в центр строя.

-А ты и вовсе амбал - одно сало и сметану без хлеба, наверное, жрёшь...

-В деревне не только сало и сметана – в деревне – природа!.. Поэтому дохляков у нас не бывает. У нас наоборот любой заморыш человеком становится... так что давайте к умывальнику...

-С полным нашим удовольствием!..

Колька в доме был один, и сам быстро организовал саббранку в огородном столике на свежем воздухе.

-Валёк Кругликов в Самару уехал, пока там живёт у родных, - между делом рассказывал Колька. - А сейчас, наверное, уже сдаёт экзамены в юридический...

- Да вы что, чокнулись все на юридическом? - вспомнил Вовка зеленогорских друзей. – А сам-то как мыслишь своё будущее?..

-А никак... я на земле вырос, на ней работаю, и буду работать.... Пока механизатором... а там посмотрим – какие наши годы...

-Ну, как, самогонку мордовскую будешь пробовать? – спросил Раиса Генка, подвигая полный стакан.

-А чем она хуже татарской, если не просто сивуха?

-Не волнуйся... я сам её очищал по древнерусскому рецепту и настаивал на кедровом орехе и на скорлупе грецкого, - успокоил Колька.

-Что-то я о древнерусской самогонке не слыхивал, - подловил молодого самогонщика Генка. – Тогда всё больше медовуху сладкую пили.

-Ладно придирайтесь...

После того, как помаленьку отметили встречу, Раис собирался.

-Когда за вами?

-Ровно через неделю в это же время, если сможешь, конечно...

-А нам, татарам...

И свежeweымытая, весёленькая горбунья запрыгала в сторону дома...

Появился дядя Филипп и сразу присоединился к молодёжи.

-Хорошо сейчас стало жить... и дом, и огород, и скотина какая - никакая. Вы - Миронычи, оба выучились, а вот мой ламзур всё с техникой, ему бы всё рулить на тракторе да на машине...

-Кому-то и рулить надо – не всем в кабинетах штаны протирать и пыль с бумажек сдувать, - поддержал разговор Панин-старший. – А Володька ведь тоже рядом с техникой будет, только что в море.

-Володька четыре года учился, а мой Колька – три месяца! – сам себя заедал дядя Филипп.

-Да хватит вам!.. Я за четыре года едва научился поршень от шатуна отличать, а Колька с закрытыми глазами любовью двигатель разберёт и соберёт, - успокоил всё-таки Вовка своего строптивного дядьку – пимоката. – Вы лучше расскажите, как вас раскулачивали?..

Из каких отцовских откровений и когда Генка с Вовкой узнали, что их деда раскулачили - теперь они и не помнят, но историю они любили оба, и сейчас хотели кое-что раскопать про своих предков

-Раскулачили и раскулачили... тогда всех раскулачивали, у кого хотя бы две шубы на семью было, или корова с лошастью...

-У вас тоже было две шубы?..

-Не помню я... маленькими мы тогда все были.... Сейчас председатель сельсовета иногда по пьянке говорит, что у нашего отца, а, значит, у вашего деда, земли было пятьдесят десятин...

Генка не знал, что такое десятина... ему хотелось узнать, за какого такого кулака он всю жизнь мучает себя угрызениями совести.

Он, как и Вовка, в совсем раннем пионерском детстве рассуждали примерно так: если их дед был кулаком, это, значит, что их отец – подкулачник.... Тогда они... страшно подумать - они сыновья подкулачника!.. А как же тогда Павлик Морозов!..

-Но ведь раскулачивали-то свои – деревенские! – настойчиво продолжал Генка. – Кто они были, и где теперь?..

-Да, свои нас и раскулачили, а потом и вовсе из села выгнали. У них тоже фамилия Панины была. Только они Панины – турсуки, а мы просто Панины.

-Что за турсуки?.. И само слово что означает?

-Да не знает никто... бедные они были – голытьба. Может, потому и турсуки.

-Раз Панины – значит, у нас общий предок был.... А сейчас кто-нибудь из них живёт здесь или в ближних деревнях?

-Нет... никого не осталось. После войны жила здесь одна семья, да Пётр умер от туберкулёза, потом жена... а девки ихние все замуж куда-то уехали....

-Ген, - нетерпеливо перебил Колька, - вы лучше о себе расскажите...

Говорили долго...

Наутро Колька подскочил первым и шумно разбудил братьев.

-Давайте-ка сегодня навестим деда Якова – он брат нашего деда. Вот старик интересный!.. Ему сейчас восемьдесят четыре года.... С раннего детства полностью слепой, а всю жизнь сам своё хозяйство ведёт. Живёт со второй женой - детей наплодил целую кучу и все зрячие. Только разъехались все в разные стороны...

-Навешают хоть?..

-А ты думал... недавно средний сын – Фёдор приезжал со своим наследником, сено косить помогали. И другие приезжают.... А когда что срочно надо, то и мы на подхвате. Так что здесь всё нормально...

После короткого завтрака братья Панины направились в другой конец большого села. Дед Яков сидел на лавочке под высокой завалинкой и что-то строгал хитрым ножичком.

-Здорово, дед Яков.

-Здорово, Коля... а ещё кто с тобой?..

-Генка и Володька – дяди Мирона сыновья.

-Как же, как же – знаю таких...

Дед Яков ниже среднего роста, но очень крепкой кости старик с тяжёлой головой, украшенной косматой сединой, неровно подвязанной налобной, широкой лентой. Одет в белую рубаху из суровой ткани и такие же штаны. На ногах просторные галоши из кирзовых сапог без голенищ. Хитрым ножичком дед вырезал узоры на планках для наличников.

-И как только это у него получается! – громко удивляется Колька Панин.

Зеленогорские Панины и вовсе подумали, что им мерещится, но Вовка сразу обратил внимание, как неуловимо быстро удивительно тонкие пальцы деда перебирают проявляющийся узор.

-Да он половине деревни наличники нарезал!.. Я вроде с глазами, а близко так не могу, хотя и не раз пытался...

Зашли в дом. В большой комнате через сени полумрак. Но скоро глаза привыкли, и Вовка осмотрелся. В углу прямо-таки великанская кровать, она выходит чуть ли не в середину единственной комнаты. Напротив стол – тоже рассчитан на века, такие же табуретки. Вдоль свободной стены навсегда прибита широкая лавка. На стенах в резных рамках фотографии разных лет, среди которых Вовка узнал отцовскую фронттовую.

«Наверное, дети оставили, а то зачем фотографии деду Якову?..»

Два окна выходят на улицу, на одном подоконнике керосиновая лампа. Вовка задрал голову – электричества нет, зато над кроватью висит что-то верещавшая радиоточка.

«Это чтобы быть в курсе, - снова отметил Вовка, - не хочет отставать от новостей...»

На столе молча появились стаканы и графин, огурцы, и самодельный хлеб, куски варёного мяса и в большой глиняной тарелке мёд с кусками сотов.

-Самогон у деда хоть и чуть мутноватый, но мировой, - зашептал Колька, когда дед ровно до краёв разлил по стаканам, чем опять сильно удивил братьев.

-Не бойтесь, не бойтесь... чисто хлебная, - подтвердил дед Яков и первым хватил гранёный стакан.

-Мёд берите, мёд – сразу перебивает всякий вкус и запах.

Баба Вера – высокая, чуть сутулая старуха, принесла из погреба кислое молоко. Густое и холодное с кусочками настоящего масла – вот что нужно было Вовке после вчерашнего Колькиного угощения от Древней Руси!..

Летом на улице всегда лучше, чем дома, если, конечно, нет сильного дождя. Поэтому дед продолжил резьбу ножичком, к нему пристроился Генка. Он опять занялся Панинской родословной, даже вытащил записную книжку, и как заправский корреспондент начал допытывать не очень-то словоохотливого деда Якова.

А Колька с Вовкой дошли до того овражного места с запрудой, где они когда-то гоняли на плотах, и в ближнем лесочке целыми днями играли в казаки-разбойники.

-Между прочим, землянка твоя на месте, - заметил Вовка. - Но она так и осталась в единственном числе. Что-то не очень активны ваши деревенские пацаны...

Вовка с грустью оглядывался по сторонам. Невдалеке стоял знакомый до последней заборной рейки дом Вальки Кругликова. Возможно, в этом доме сменилось уже не одно поколение. Но ведь дом – это едва ли не самое главное составляющее рода человеческого. Как должно быть, прекрасно, когда человек через десять-двадцать и больше лет переступает порог своего дома, в котором он родился и вырос.

Нет, вместо старого дома можно построить новый, но он должен стоять на той же земле, возле той же речки с полем или садом, посаженным и выращенным твоими предками и тобой самим... Чтобы, вернувшись к родному порогу, человек всегда смог найти что-то родное, что-то из своего далёкого детства...

В Зеленогорке давно уже нет того барака на Донской, да и улицы с таким названием не найдёшь. Постепенно начали засыпать и знаменитый овраг панинской команды. Скоро и следа не останется от того места, где когда-то грозно щетинился пушками укрепрайон с землянками и блиндажами, где когда-то разыгрывались городошные баталии, проводились

соревнования по стрельбе из луков между панинцами и плахинцами...

-Чего задумался?.. – донеслось откуда-то издалека до Вовки.

Вовка не сразу перенёс свои мысли от зеленогорского пустыря и запруды на деревенскую поляну в Новых Соснах. Колька возился возле входа в землянку, стараясь его расширить и влезть внутрь.

-Не надо... в Зеленогорске взрослые никогда не лазили в наши землянки. Пусть у пацанов будет своя тайна...

День жаркий, братья решили искупаться, махнув саженьками вдоль и поперёк пруда, ставшего для Вовки удивительно маленьким.

А во дворе деда Якова шли учёба и практические занятия одновременно. Генка учился... доить корову. Дед стоял у коровы в головах и тихо успокаивал её, лаская шею и бормоча что-то ласковое в ухо. Корова мелко дрожала, но неровные струйки тонко брызгали в цинковое ведро.

-Неплохо получается, брат Геннадий, - степенно похвалил способного ученика Колька.

Но корова вдруг резко напряглась, молоко перестало цвиркать.

-Всё... теперь Зорька и вовсе перепугалась, - сказал дед, оглянувшись на подошедших. – Гена, придержи ведро – она подумала, что её сейчас ещё двое будут доить.

Дед Яков попросил братьев отойти в сторонку и быстро управился с полуденной дойкой.

-Айда ещё по стакану, - пригласил дед, - а то выдохнется.

Но ребята отказались, дружно и горячо поблагодарив деда за гостеприимство. Ведь впереди ещё полдня и целый вечер – надо было экономить силы.

-Приходите лучше вы к нам... забирайте бабу Веру и приходите, - настойчиво упрашивал Колька. – А домой мы вас потом проводим...

Но упрямый дед тоже отказался, ссылаясь на пропасть дел.. Зато братья не отказались от кружки парного. Даже Вовка, который всем горячим и тёплым напиткам предпочитал всё ледово-холодное, разве что кроме утреннего чая или кофе.

Простившись с дедом Яковым, ребята снова повернули на пруд – Генка тоже захотел искупаться. Домой вернулись вечером.

Колька Панин

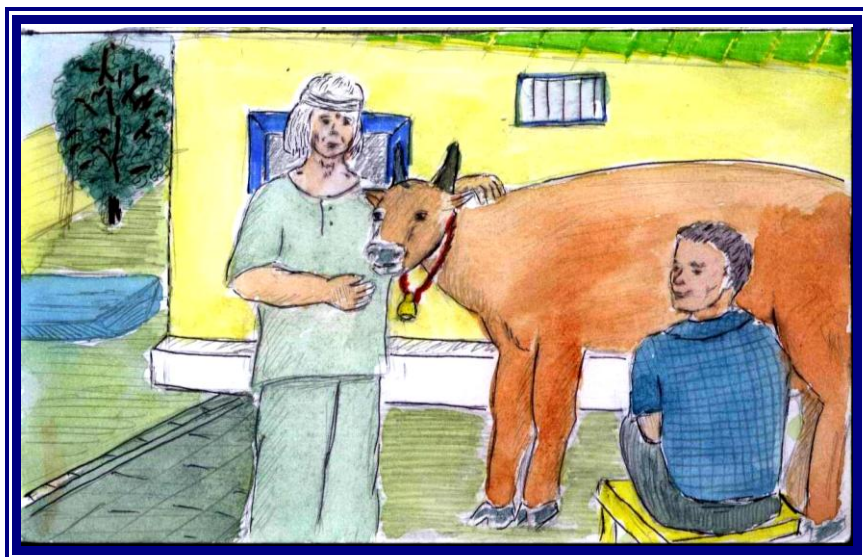
Проснувшись следующим утром, Вовка рядом с собой никого не нашёл, а братья приладились спать на свежесушенном сене. Генка уже сидел на крыльце с дядей Филиппом и о чём-то вёл с ним тары-бары

- Где Колька?.. Доброе утро...

- Меньше спать надо, - попробовал воспитывать Генка.

- Дак на работу ведь пошёл. Выходные-то кончились...

- тоже повернулся к Вовке дядя Филипп. - Чуть свет уж уд-рал из дома...

Эх!.. До чего же хорошо в отпуске!.. Из головы начисто пропал счёт дням. Для него теперь что понедельник, что среда, что воскресенье...

- А где он работает?

- Трактор его в капремонте всё лето – он с ним в мастерских пока.

Дядя Филипп подробно объяснил, как добраться до Колькиного трактора и Вовка, наскоро перекусив, устремился в заданном направлении через несколько переулков и небольшой овражек. Кольку он нашёл за сборкой двигателя.

- Привет работягам...

- Здорово, здорово...

Вовка пригляделся к объекту внимания молодого механизатора:

-На средних траулерах и на сейнерах похожие движки стоят как вспомогательные.... И на спасательных шлюпках такие же.

-Выходит, мне вместо колёс и гусениц гребные колёса приспособить и можно с тобой наперегонки.

-Якорь, самое главное, не забудь. А то разгонишься с пылу с жару и не остановишься, - с утра пораньше укальвались братья.

Вовка успел заметить, что Колька устанавливает форсунки по своим местам. В училище в лаборатории дизелей стоял похожий судовой двигатель типа «Ч» – четырёхтактный, и курсанты издевались над ним как хотели: разбирали, собирали, регулировали насосы, испытывали форсунки...

- Форсунки, прежде чем ставить, прессовал?

-Чего?.. Да у нас этого никто не делает...

-Так ведь от этого мощность теряется чуть не в половину!.. И расход топлива...

-Здесь и стенда для опрессовки днём с огнём не найдёшь, - гнул своё Колька. – Его, скорее всего, у нас и не было никогда.

Вовка распалился:

-В каждой мастерской по дизелям должен быть!..

Стенд они нашли в кладовке механика. Когда-то новый, он, теперь ржавый и совсем мёртвый, валялся среди прочих железяк, которые все механики приберегают на всякий случай. С ним делов-то стало – перебрать насос да поправить манометр - родной оказался вдребезги разбитым.

-У тебя книжка-описание по двигателю хоть сохранилась?

У себя Колька такую книжку не нашёл. Опять пришлось обратиться к механику, который посмотрел на Вовку, как на чудака с буквой «М» спереди, но, покопавшись в шкафах с разной документацией, всё же нашёл инструкцию по эксплуатации и ремонту.

-Как нас в мореходке учили: «Совсем не обязательно зубрить и держать в голове устройство и характеристики разных двигателей и прочих судовых механизмов – это просто невозможно и от этого может треснуть голова вдребезги... Ваша задача усвоить общие принципы действия и уметь работать с технической литературой. В ней для вас не должно быть никаких неясностей...» – преподавал Вовка краткую лекцию начавшему матереть практику Кольке.

За четыре года учёбы, да плюс ещё полугодовая практика рядом с судовыми механиками (не с механизаторами!), Вовка, конечно, научился не только отличать поршень от шатуна и сейчас выпал случай это доказать.

Первая же форсунка потекла струёй, стоило только взяться за рукоятку пресса и чуть надавить, за ней вторая... третья... четвёртая!..

-Ну, Коля, как же ты собирался работать с такими форсунками?!..

-Взял бы у механика новые распылители и все дела.

-Новые, новые... сегодня есть новые, а завтра даже старых не найдёшь...

Чистой тряпки в мастерской не оказалось, пришлось обойтись газетой, на которой Вовка аккуратно разложил детали разобранных форсунок.

-Между прочим, новые тоже рекомендуется прессовать – новые тоже всякие бывают – особенно если «Сделано в СССР»... А притирочной пасты, скажешь, тоже нет?..

-Зелёнка есть!

-Ага – паста ГОИ... её-то как раз и надо...

Притирали вдвоём. Вовка работал сам и приглядывал за Колькой. У того получалось совсем неплохо для первого

раза – что значит руки к месту приложены! Сам Вовка учился этому делу гораздо дольше.

-Хорошая форсунка должна при распыле давать равномерные пятна на бумаге, их должно быть ровно столько, сколько отверстий и при впрыске должен раздаваться звонкий скрип, - делился Вовка с братом.

Через час все форсунки были притёрты и опрессованы.

-Эх, жалко, что двигатель не на тракторе – завести бы его сейчас, - сокрушался Вовка, которому не терпелось увидеть результаты своей работы.

-Ходовую часть завтра посмотрим и сразу двигатель поставим. А потом и прокатимся за околицу, - утешил его Колька.

На следующий день, когда Колька взялся за профилактику ходовой, роли переменялись. Вовка сразу оказался подмастерьем, а то и просто подавалой. Колька то и дело зычно командовал из-под трактора:

-Вовка! Подай-ка на семнадцать... Головку, а не рожковый...

-Вовка! Подсунь-ка сюда лом. Да не сюда! Не видишь что ли?!..

И дальше всё в том же духе. И правильно!.. Почему-то в мореходках даже общее устройство тракторов и автомобилей не дают.... Само собой, Вовке были знакомы принципы зубчатых и цепных передач, принцип дифференциала. Он знал и то, что кардан – это тот же гребной вал, но теория без практики, как говаривал классик, мертва. А практики по тракторам у Вовки как раз и не было.

Валя Панина

В первый же день по приезду, Вовка обратил внимание, что на том высоком месте, где когда-то стоял набекрень бревенчатый сельский клуб, теперь стоит высокое (по здешним, конечно, меркам) здание из ровного белого камня с красной железной крышей. Над тяжёлыми парадными дверями издалека видно: Дом культуры.... Не просто клуб, а Дом культуры.

Ещё в мастерских Колька сказал, что сегодня в клубе (на селе хоть Большой театр поставь – он всё равно клубом останется) интересное кино, а после кино танцы. Вечером механизаторы долго плескались во дворе, а потом наглаживались и наводили всякий глянец с ног до головы.

Генка в мастерские не ходил, а целыми днями крутился с дядей Филиппом, помогая по хозяйству. Кроме бесконечной деревенской текучки, они за три дня отгрохали новенькую, свежешающую молодой сосной уборную в ближнем углу огорода. Мечтать в ней стало одно удовольствие.

-Ну, Гена, память о тебе хорошая останется, - смеялись дядя Филипп и Колька. - Сто лет простоит и не свалится...

Но в этот раз и Генка засобирился с младшими братьями. Из клуба на всё село гремела «Машина времени» вперемишку с «Песнярами». Чем ближе к клубу, тем громче били по ушам раскаты.

-И что?.. Это всё время так музыка орёт? – спросил Генка. - Как же старики в соседних домах терпят?..

-Это пока кино не началось – потом убавят...

На широком крыльце покуривали взрослые мужики и молодые парни. Между ними шныряли юркие пацанята. Все с явным любопытством поглядывали на зеленогорских, хотя за прошедшие дни многие их уже видели. Генка вдруг узнал своего дружка из деревенского детства. Тот жил в соседней деревеньке – спутнице Сосен. Дружья сразу куда-то смылись в вечерней темноте...

Билет стоил полтинник. Одновременно в кино и на танцы. Хочешь – заходи в кинозал, хочешь - танцуй в вестибюле. Кино и в самом деле было интересным и зал набит битком. Андрей Миронов и Юрий Никулин с Папановым никак не могли разобраться с бриллиантами, принадлежащими заграничным аптекарям. Хохот стоял не слабее ансамбля Макаревича.

После кино молодежь строго по принципу природы распределились вдоль противоположных стен вестибюля. Редкие девчонки и парни посмелее перебегали туда-сюда, но быстро возвращались на свои места. Скромные девчонки и знающие себе цену парни чего-то выжидали.

Постояв возле стены, парни выходили покурить.

«Совсем, как в старом клубе» – вспомнилось Вовке.

Девчонки всё так же вели переговоры возле своей стены, но явно чувствовалось нарастание невидимых разрядов под потолком и в углах большого вестибюля. Молодёжи становилось всё больше, музыка всё громче. Колька перезнакомил Вовку почти со всеми парнями. Узнав, что Вовка из мореходки (в деревню он приехал по гражданке), долго трясли руку, расспрашивали...

-И до каких пор у вас так телятся?.. Может домой податься?.. – не выдержал Вовка, когда они с Колькой просто-яли почти полчаса, обосновавшись возле стены.

-Сейчас начнётся. Можешь идти и приглашать на кого глаз положил. Только сразу в любви не объясняйся, а то потом разбираться придётся...

«Надо же – и здесь разборки...»

Вовка уже давно присмотрел одну девчонку, которая тихо веселилась в кружке с другими, но сильно от них отличалась своей чисто городской яркой кофточкой и короткой юбочкой, высоко открывавшей крепкие, загорелые ноги.

«Как похожа на Надю!.. Но откуда ей тут взяться?.. А это наверняка студентка... на каникулах у родных...»

К ней он решительно и направился через пустой центр вестибюля. И тут же всё вокруг завертелось, закружилось. Оказывается, нужен был небольшой толчок, чтобы вышел об-вальный танец.

-Колька, кто это? – оживился Вовка после танца. – С кем она?..

Колька хитро посмотрел на брата и повернулся чуть в сторону.

-Да не знаю я - с кем она... разве за всеми уследишь... возьми да и спроси сам...

-А разве ты не помнишь меня?.. – тихо засмеялась девчонка, когда Вовка решил познакомиться, пригласив её на второй танец.

Он долго молчал, силясь вспомнить, но ничего не приходило в голову. Девчонка, показалось, даже обиделась. Она перестала улыбаться, и с показным интересом уставилась на соседние танцующие парочки.

«Она, конечно, из здешних, раз меня знает... Последний раз я был здесь пять лет назад... - так и эдак прикидывал Вовка. - Ей тогда было лет тринадцать-четырнадцать.... Нет, не помню... меня-то легче запомнить, ведь я всегда был гостем...»

-Вы, наверное, моя родственница, - нерешительно пробормотал Вовка, оставаясь с незнакомкой пока на «Вы».

-Да Валя я!.. Валя Панина!.. Младшая дочка твоего дяди Семёна...

-Вот это да!.. Какая милая кузина...

-Не называй меня так – не люблю!.. Я твоя двоюродная сестра.

-А я и вправду чуть не влюбился... вот горе-то... луковое...

-Влюбишься ещё – вон их сколько...

-Да здесь копни чуть глубже – все родственниками окажутся....

Сестрёнка и впрямь была загляденье. Правильный овал из-под волнистых золотистых волос, зеленовато-голубые глаза светятся такими же золотишками, прямой носик и нетронутая нежность губ – всё досталось ей от северных красавиц. Но в отличие от заторможенных финок или эстонок, живущих как в замедленном кино, эрзянка Валя была воплощением южного азарта и стремительности.

-Я учусь в Куйбышеве... перешла на второй курс экономического института, - в темпе танца рассказывала Валя. - А это Нина, - подвела она Вовку к другой девушке, чуть постарше. – Она тоже твоя сестра.

Вовка потанцевал пару раз и с Ниной – будущей врачихой. Она была очень похожей на Валу, но в ней не было той яркой и стремительной непосредственности, которую во все стороны излучала младшая сестрёнка.

Твист на селе, а тем более шейк, пока не прижились. Танцевали всё больше фокстрот и танго с вальсом. Некоторые, правда, «твистили» в заднем углу, но на них поглядывали очень иронично и даже с ехидцей. Поэтому и Вовка не стал выпендриваться со своим негритянским шейком.

«Как бы ещё тут не освистали...»

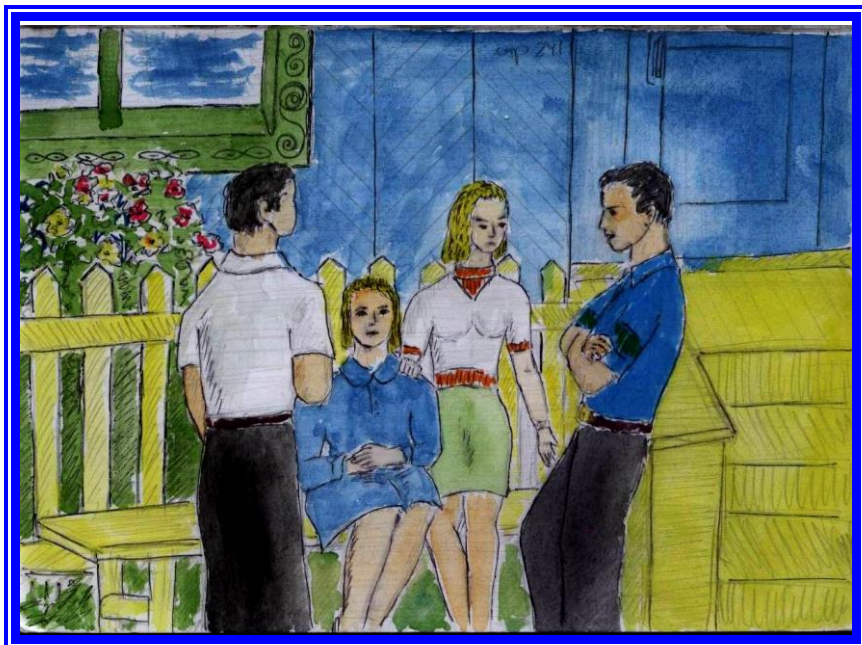
Зато сёстры Панины выдали такую русскую плясовую под «Песняров», что хоть прямо сейчас отправляй во Дворец Съездов!..

«Откуда они это взяли?.. Кто их научил?.. Или этому учит сама деревенская жизнь.... Ведь эти переплясы живут в народе не одну сотню лет. Видно, настолько они вошли в плоть и кровь здесь живущих, что передаются по наследству вместе с чертами лица, фигуры, характера.. Надо только чуть смелости, задора и пляски эти сами, кого хочешь, поведут по кругу...»

Колька попытался поддержать сестрёнок мужским духом, прошёлся пару раз мощной грудью вперёд, притопнул, прихлопнул, но понял, что у девичьего дуэта получается лучше, и снова встал рядом Вовкой.

Сёстры сорвали ровно недельный запас аплодисментов у своих односельчан и гостей из соседних деревень...

Братья проводили сестёр до дома, который уже давно не светился. В деревне родители ложатся рано, чтобы поутру встать и успеть сделать все домашние дела до работы на полях и фермах. Вовка вспомнил, что он бывал в этом доме мальчишкой, но долго здесь не задерживался. Ему здесь было неинтересно – то ли дело с Колькой – пацаном, да ещё ровесником.

Вечер был по-ростовски ласковым и согревающим, расходиться не хотелось. Сёстры, особенно Валя, засыпали Вовку вопросами, а тому было что рассказать. Колька тоже слушал и спрашивал – ведь он через два месяца собирался служить на военном флоте.

- Попрошусь на Камчатку, если будет такая возможность...

Единогласно договорились всю жизнь поддерживать отношения по-родственному, переписываться, ездить друг к другу в гости.

- Не то что наши родители – раз в год встретятся на два-три дня, а то и вовсе, из года в год!.. - запальчиво высказалась Валя...

Что так часто разъединяет людей, облечённых кровным родством?.. Людей, родившихся и долго живших под одной крышей, в одних стенах. Никогда раньше не думавших о том, что придёт время и разойдутся пути-дороги. Но разойдутся не только дороги, изменится образ жизни, само отношение к ней у каждого станет своё.... Что за центробежная сила, раскручиваясь, разбрасывает каждого не только на земные расстояния, но и рвёт те кровные узы, крепче которых, кажется, и быть ничего не должно?..

За оставшиеся дни Генка с Вовкой навестили и дядю Семёна с сестрёнками, и деда Якова ещё раз. Колька-механизатор на пару с Вовкой завели трактор, на котором подфартило прокатиться за рулём и рычагами будущему камчатскому мореходу. Вовка даже сделал длинную борозду из-под плуга – наступил сезон осенней вспашки.

Раис приехал, как и договаривались. В последний день Колька организовал всеобщее застолье едва ли не на всю деревню. На прощанье Вовка крепко расцеловал Нину и Валу, в которой ему всё чудилась ростовская Надя...

Возле машины разошедшийся Колька долго тряс руки:

-Вовка!.. А ведь я всерьёз и надолго решил на Камчатку проситься...

-Да ты что?!.. Оттуда ведь за три года ни разу в отпуск не вырвешься... об отце с матерью подумай...

-Здесь ещё много панинского народа остаётся, а я зато с тобой увижусь.... Понравится, может, на сверхсрочную останусь...

-Айда молчи, ламзур... Камчатку он не видел. Давай вон в стройбат под Куйбышев... - урезонивал новососненского романтика дядя Филипп.

-Ну, прощевайте... лихом не поминайте!..

На Камчатку!..

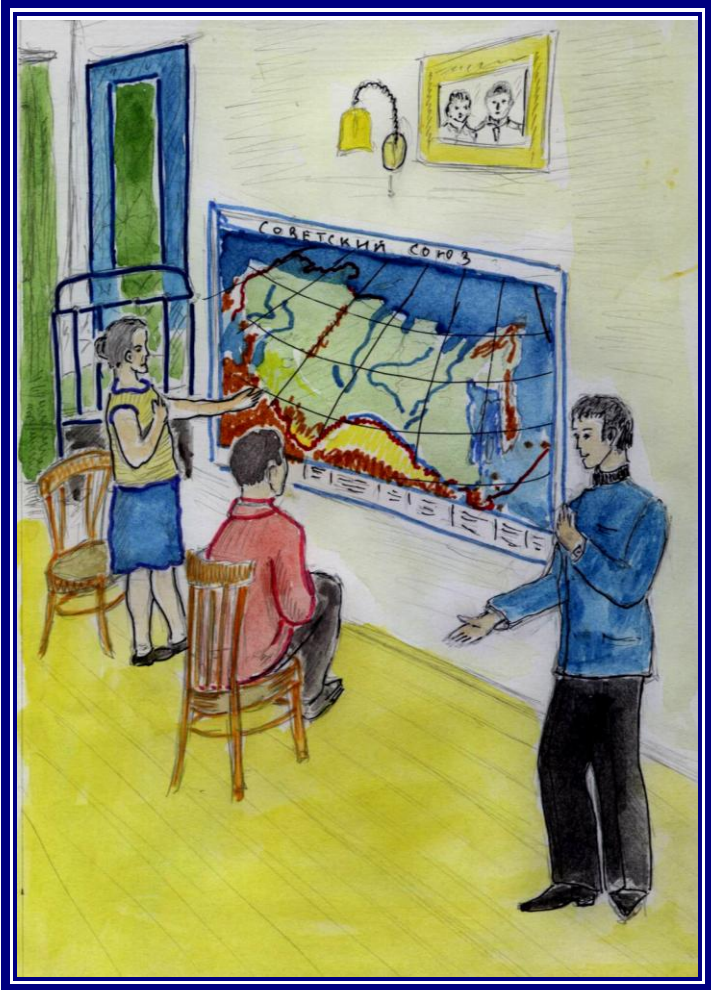
Вовка взял билет на Камчатку, как и задумал ещё в Ростове: из Бугульмы в Казань, оттуда – в Красноярск и дальше в Петропавловск - Камчатский. Важная тётка в кассе долго смотрела Вовкины документы. Как же! Такой юнец, а летит в закрытый город, да ещё на самый-самый край земли – на Камчатку!..

Всех дальневосточников командир роты предупредил позаботиться о билетах заранее, ведь октябрь – конец отпусков и все северные, и восточные отдыхающие – загорающие ринутся по домам именно в это время. Поэтому Вовка обеспечился аж за две недели и был спокоен.

Раз так, то Вовка отдался праздному безделью, если не считать аврального выезда всей семьи на уборку картошки. А такое разнообразие всегда на пользу и всегда к месту. Иначе с тоски помереть можно.... И когда это у Вовки появилась способность тосковать - да ещё в родных стенах с друзьями каждый вечер и несколько раз за день?!..

Но у Вовки всё же было одно тайное дело. В день покупки билета и определения точной даты вылета, он написал письмо. И было оно адресовано... Светке. Он не знал точно, живёт ли она теперь в своём маленьком рабочем посёлке в ста километрах от Зеленогорска, но всё-таки отправил. Его мужская гордость долго сопротивлялась этому шагу, но существует какое-то второе «я», второе сознание, которое порой совершает поступки независимо от первого и оно, именно оно, заставило его взяться за перо, а потом и дойти до почтового ящика.

Ответ пришёл через неделю. Письмо из своего ящика Вовка вытащил сам – он знал точное время появления на его улице почтальона и к этому моменту всегда старался быть дома. Спрятавшись в огороде на Генкиной раскладушке, внимательно осмотрел конверт. Ответ написан до боли знакомой рукой, на конверте значился обратный адрес.

-Если бы она прислала полный отлуп, обратный адрес писать бы не стала, - потихоньку обрадовался Вовка.

Света писала, что живет она вдвоём с матерью, что перешла на заочную учёбу из-за болезни матери и теперь ухаживает за ней. Писала, что сама не поймёт до сих пор, как так получилось, что она всё-таки ответила на настойчивые притязания своего одноклассника, что ничего такого при этом не было и что она обязательно приедет провожать его на Камчатку...

И Вовка стал ждать этот день, тем более что до него оставалось всего ничего.

Отец как-то притащил домой огромную настенную карту Советского Союза.

-У нас в конторе возле красного уголка валялась...

Но Вовка сразу увидел, что карта новая.

«Специально в магазине купил - хочет каждый день видеть, где я буду...»

Когда отец приспособил карту на свободном куске стены, мать спросила:

-Ну и где же твоя Камчатка?..

Вовка показал.

-Боже мой!.. А Оренбург где?..

Мать родилась и выросла под Оренбургом, до которого всего-то было триста километров, но для неё и эти триста были бесконечно далеки. Сравнив на глазок расстояния от Зеленогорска до Оренбурга и до Камчатки, она и вовсе удалилась в голос:

-Это же край света!.. Володя, не уезжай!.. Оставайся здесь... а работы и тут всякой хватает – на нефтепромысле вместе с Генкой и ребятами будешь – сам же говорил, что с твоим дипломом можно везде работать...

-Мне не меньше трёх лет отработать надо по распределению, иначе меня через милицию найдут, - не подумавши, брякнул Вовка.

-Да! – ещё больше поникла в голосе мать, не отрывая глаз от карты. – Значит подневольно едешь.. Как в ссылку... знала бы – не пустила в морское...

-Да что ты, мам!.. Добровольно еду!.. Совсем добровольно... я мог бы опять Мурманск выбрать, - теперь уже бесполезно пытался утешить мать Вовка. - Я что?.. Один туда еду?.. Со мной все мои друзья-однокашники едут... Пап, ну хоть ты скажи ей...

Отец держал сторону Вовки, но в его голосе тоже не было уверенности. В оставшиеся дни к матери так и не вернулось хорошее прежнее настроение. Надо же было отцу эту карту ко времени притаранить...

К Светкиному автобусу Вовка ходил два дня подряд. Он в душе надеялся, что она приедет хотя бы за день до его отъезда – ведь в Зеленогорске живёт её тётка. Но она приехала точно в назначенный день.

Полтора года Вовка не видел Свету, а это много значит. В юном возрасте человек за два года может измениться так, как в зрелые годы не изменится иной раз и за десятки лет, и Вовка ожидал всего. Но она вылетела из автобуса совсем такая же, даже коротенькое её пальтишко показалось ему знакомым.

Пока шли до дома, она без умолку рассказывала о себе, спрашивала его. Вовка односложно отвечал, почти не отрывая от неё глаз. Света смотрела вперёд или себе под ноги – было сыро. Наконец, она остановилась.

-Это прямо невыносимо!.. Ну что ты всё так на меня смотришь и смотришь?.. Если хочешь знать, то я... я любила и... люблю только тебя больше всех...

-Меня больше, других меньше... а как это у тебя получается?.. Меньше больше, больше меньше... - несло Вовку против воли...

-Да не придирайся ты... враньё всё это... думаешь, мне про тебя ничего не рассказывали...

-Что можно было про меня рассказывать?.. Я всегда за тысячи вёрст от тебя был...

-Все моряки гулящие...

До дома молчали. Возле самого порога Светка вдруг начала прощаться:

-Счастливого полёта на Камчатку, а я обещала сразу пойти к тётке...

-Да ты что?.. Уже и обиделась...

Полчаса Вовка и подошедшие Шурка с Ленкой уговаривали, упрасивали. Вовка горячо извинялся за свои глупые слова. Но Светка упорно смотрела в сторону, но и не вырывала руку из Вовкиной..

Вышла мать, в глазах поблёскивают влажные искорки.

-Зайди, Света... ведь он так далеко и теперь надолго уезжает...

Только тогда Света стронулась с места, но и за стол не сразу села рядом с Вовкой.

«Может, и верно – зря болтают? – думал Вовка, всё так же смотря на Свету. – Может, я дурак был и остаюсь им...»

-Володя, давай не будем думать друг о друге плохо... я буду писать тебе, а ты мне... Может, и не было этих двух лет, а были только наши лыжные прогулки, летний лесопарк и наша переписка...

-И всё-таки, Света, ты первая перестала писать мне...

-Об этом я тебе уже говорила...

Вот теперь Вовка заметил, что Света и в самом деле изменилась. Да, она очень повзрослела. Рядом было не то беззаботное чудо радости, чудо почти детской наивности и влюблённости. На него смотрела совсем взрослая женщина, несмотря на прежнюю, полудетскую внешность.

Самолёт на Казань в аэропорту Бугульма подали вовремя...

Предисловие к Камчатке

Впереди строгая и величавая своими дымящимися вулканами, океаническим прибоем и высокими, скалистыми берегами Камчатка, до которой Вовке Панину предстоит лететь на «перекладных» без малого одиннадцать тысяч километров.

На Камчатке состоится новая встреча ростовских мореходов, а вместе со встречей и новые приключения. Сашка Назыров и Лёшка Педченко – оба выросшие на красивых и тихих донских берегах, Вовка Панин, набравшийся спокойствия и неторопливости в своих родных Волго - Уральских просторах – они вместе и порознь, но в душе всегда неразлучно, бороздят на больших траулерах Тихий океан от самых северных широт Берингова моря до Гавайских островов, а

Лёшка и вовсе сподобился совершить почти кругосветку во время перегона «Лучегорска» из Николаева на Днестре до Петропавловска на Камчатке!..

Здесь кругом и штормы, и штиль, и мёртвая зыбь вповалку, да не берёт всё это ростовских друзей.... Но здесь же бывшие беззаботные курсанты впервые столкнулись с той стороной жизни, которая является изнанкой весёлой праздности и раскрашивает жизнь на многие годы вперёд в полосы белые и чёрные, словно на курсантской тельняшке.

У иного белые полосы становятся всё шире, а у кого-то чёрные. Да ведь пока белую краску наложишь на чёрную – намаешься здорово, а вот чёрная на белую сама ложится...

Морской словарь

Анкерок – небольшой бочонок для питьевой воды

Ахтерпик – помещение на баке, обычно для якорной цепи

Бак – носовая часть любого судна

Балясина – ступенька морского трапа

Банка или банкетка – сиденье в шлюпке

Банка – возвышенность на морском дне, часто богатое рыбой

“Бармалей” – так иногда моряки называют большие траулеры

Бейдевинд, фордевинд, оверштаг – повороты парусного судна относительно ветра

Бзик – причуда

Бот – небольшое гребное, парусное или моторное судно

Ботдек – шлюпочная палуба

Брашпиль – механизм для выборки якоря

Б/У – “бывшее в употреблении”

Бухта – морской залив обычно в устье одной или нескольких рек

Бушприт – наклонный брус на баке для крепления кливера

БЧ – боевая часть на корабле

“Великое сидение” – долгая осада Казани войском Ивана Грозного

Ворота – вход в бухту или в морской залив.

Выброска – легкая бечева с грузом, перекидываемая на берег или на другое судно для перетягивания тяжёлого швартового каната

Дель – сетка полуфабрикат для изготовления неводов и тралов

Гальяун – отхожее место на судне

Годок – матрос или старшина ВМФ последнего года службы

Голландка - белая морская форменка.

Гон дали – выгнали

Гребной вал – вал между гребным винтом и главным двигателем судна

Грот-мачта – средняя мачта

Гюйс – флаг, поднимаемый на носу судна во время стоянок. Сине-полосатый ворот морской форменки.

Дельта – место впадения реки в море

Донец – здесь лошадь донской породы

Дрейф – движение судна по течению

Ерик – отдельный рукав дельты (местн)

Жвак – последнее звено якорной цепи

Задвижка, захлопка, клинкет – виды запорной арматуры

Замёт – постановка трала или невода во время промысла

Игличка – ручной инструмент для вязки и ремонта сетей

Камчадал – потомки русских переселенцев и местных аборигенов на Камчатке

Каперанг – капитан первого ранга (мор)

Каптёр – заведующий складом (мор)

Келья – жилище монаха или отшельника

Кибальчич, Софья Перовская – революцио-неры-народники 19 века

Кильдин – остров в Баренцевом море

Кливер – треугольный парус между фок-мачтой и бушпритом

Кнехт – тумба для швартовки

Корма – задняя часть любого судна

Кранец – приспособление на борту судна для смягчения ударов при швартовке

Кубрик – жилое помещение на судне или в экипаже
Куток – часть трала, в который попадает пойманная рыба

Кэп – от английского Captain - капитан

Лаз – прибор для измерения скорости судна

Ламзур – то же, что и охламон (местн)

Леер – тросовое или цепное ограждение по бортам судна, по периметру люков

Маломерный диплом – диплом, дающий право плавания только на малых судах.

Матюгальник – громкоговоритель или мегафон(жарг.)

Милитаризованные – здесь: военизированные

Низовка – ветер снизу, в данном случае от устья реки(местн)

Олоферн, Юдифь – библейские персонажи. Красавица Юдифь прельстила вражеского полководца Олоферна и отрубил ему голову мечом, чем спасла свой народ.

Отсек – помещение на судне между переборками

Пайолы – плиты металлического настила, обычно в машинном отделении

“Пароход” – так на флоте называют любое судно, независимо от его типа и назначения

Переборка – перегородка на судне между

Отсеками

Перегрузчик – грузовое судно, обычно принимающее рыбу от промысловых судов в море

Плавцenz – время чистого плавания в море на право занимать командные должности на судах

Подвахта – дополнительное рабочее время на судне при авральных работах, в том числе и при обработке большого количества продукции

Подборы – канаты по верху и низу невода

Пульпа – смесь с водой

Ранжир – порядок строя по росту

Расписать – распределить (мор)

Ревизор – второй штурман, в заведование которого входит сохранность грузов

Реверс – задний ход

Регистр – инспекция безопасности мореплавания

Рефрижератор – транспортное судно с охлаждаемыми трюмами

Рея – поперечина на мачте для крепления парусов

Ротмистр – старший офицерский чин в казачьих войсках русской армии

Рубка – надстройка на палубе судна

Рундук – небольшой шкаф или ящик для хранения вещей или инструмента

Рым – отверстие или ушко, за которое крюком цепляют груз (мор.)

Сейнер – небольшое рыболовное судно

“Сизифкин труд” – от “Сизифов труд” – тяжёлая, бесполезная работа

Слип – наклонная часть на корме рыболовного судна, по которой спускают и поднимают трал

Смычка – часть якорной цепи

Сопка – небольшая гора на Дальнем Востоке

Сторожевик – военное судно для охранения

Тали – ручное грузоподъёмное устройство

Танк – большая емкость на судне, обычно для топлива

Топовые фонари – фонари на мачтах

Трал – большая конусная сеть для ловли рыбы. В трал может вместиться до 50-ти тонн рыбы

Тралмастер – специалист по рыбопромысловому оборудованию и добыче рыбы

Три брата – три рядом стоящие скалы у входа в Авачинскую бухту

To drink – выпить (англ.)

ТУК – рыбная мука, продукт из отходов после обработки рыбы и рыбной мелочи

Туфта – лапша на уши

Фальшборт – сплошное ограждение по верхней части борта судна

Фланг – правая и левая части строя

Фланелька – форменная рубашка у моряков

Фок-мачта – передняя мачта на судне

Формуляр – паспорт технического средства

Форштевень – место на носу судна, где сходятся борта. Крепкий передний брус шлюпки.

Фурик – без комментариев

Хавка – еда (жарг)

Хорунжий – младший офицерский чин в казачьих войсках русской армии

“ЦУ” – ценное указание (разг.)

Шанцевый – на флоте так называют всякий ручной инструмент от лопаты и метлы до ведра и куска ветоши.

Швартовка – постановка судна к причалу или к другому судну

Штурмтрап – верёвочная лестница с деревянными балясинами

Экзекутор – тот, кто проводит телесное наказание (экзекуцию)

Экипаж – в данном случае общежитие курсантов

Ял – широкая судовая шлюпка

Оглавление

От автора *стр. 4*

Часть первая Абитуриенты

На Ростов!.. *стр. 7*
Вагон *стр. 16*
Вызов *стр. 22*

Экипаж

61 кубрик *стр. 28*
Темерник *стр. 30*
Первое увольнение *стр. 32*
Вовкины встречи *стр. 36*
Кража *стр. 57*

Отпуск

Первые встречи *стр. 61*
Тагир и другие *стр. 71*

Курсанты

Виноград *стр. 73*
Арбузы *стр. 77*
Старшина *стр. 81*
Эпидемия аппендицита *стр. 86*
Без политграмоты - никуда *стр. 92*
Боб, Бэбен и маленький Беня *стр. 98*
Вне очереди *стр. 109*

Левый берег

Водная станция *стр. 127*
Паруса *стр. 131*

<i>Вниз по Дону</i>	<i>стр. 134</i>
<i>Сторожевик</i>	<i>стр. 137</i>
<i>Виноградное вино и донская уха</i>	<i>стр. 140</i>
<i>Морская кавалерия</i>	<i>стр. 142</i>
<i>Таганрогский залив</i>	<i>стр. 146</i>

Наставники

<i>Командир роты</i>	<i>стр. 149</i>
<i>Дин</i>	<i>стр. 157</i>
<i>Туркин</i>	<i>стр. 162</i>
<i>Юлия</i>	<i>стр. 167</i>
<i>Гуманитарий</i>	<i>стр. 171</i>

За стенами экипажа

<i>Свадьба</i>	<i>стр. 178</i>
<i>Надя</i>	<i>стр. 186</i>

Море Чёрное...

<i>Эх, дорога...</i>	<i>стр. 193</i>
<i>Херсон</i>	<i>стр. 197</i>
<i>Севастополь, Ялта...</i>	<i>стр. 205</i>
<i>Новороссийск!..</i>	<i>стр. 214</i>

Часть вторая

Мурманские встречи

<i>Снова проводы</i>	<i>стр. 223</i>
<i>На север!..</i>	<i>стр. 233</i>
<i>Первые дни</i>	<i>стр. 237</i>
<i>Совещание</i>	<i>стр. 242</i>
<i>Вышка</i>	<i>стр. 245</i>
<i>Ночлежка</i>	<i>стр. 253</i>
<i>Одни</i>	<i>стр. 259</i>
<i>Марина</i>	<i>стр. 264</i>
<i>Направление</i>	<i>стр. 270</i>

Море Баренца

<i>Сейнер РС-1012</i>	<i>стр. 273</i>
<i>Первая вахта</i>	<i>стр. 279</i>
<i>Пробуждение</i>	<i>стр. 285</i>

Рыбаки

<i>Замёт</i>	<i>стр. 288</i>
<i>Тралмастера</i>	<i>стр. 289</i>
<i>Боцман</i>	<i>стр. 290</i>
<i>Маркони</i>	<i>стр. 292</i>
<i>Рыбмастера</i>	<i>стр. 294</i>
<i>Механики</i>	<i>стр. 295</i>

Морские передряги

<i>Первый шторм!..</i>	<i>стр. 299</i>
<i>Перегруз</i>	<i>стр. 303</i>
<i>Зелёная конференция</i>	<i>стр. 307</i>
<i>Дельфины</i>	<i>стр. 314</i>
<i>Остров Кильдин</i>	<i>стр. 321</i>
<i>О, море...</i>	<i>стр. 339</i>

На берегу

<i>Ледокол «Ленин»</i>	<i>стр. 343</i>
<i>Пан Кавецкий</i>	<i>стр. 352</i>
<i>Сашка Назыров</i>	<i>стр. 360</i>
<i>Анжелика</i>	<i>стр. 367</i>

Надя

<i>Батайск</i>	<i>стр. 382</i>
<i>Пляж</i>	<i>стр. 386</i>

Военная стажировка

<i>Крейсер</i>	<i>стр. 391</i>
<i>Энурез</i>	<i>стр. 393</i>
<i>Годки</i>	<i>стр. 396</i>
<i>Присяга</i>	<i>стр. 400</i>
<i>На «Советская Украина»</i>	<i>стр. 402</i>
<i>Прощай, Ростов...</i>	<i>стр. 407</i>

В деревне

<i>Дед Яков</i>	<i>стр. 411</i>
<i>Колька Панин</i>	<i>стр. 423</i>
<i>Валя Панина</i>	<i>стр. 426</i>
<i>На Камчатку!..</i>	<i>стр. 432</i>
<i>Предисловие к Камчатке</i>	<i>стр. 437</i>
<i>Морской словарь</i>	<i>стр. 439</i>
<i>Оглавление</i>	<i>стр. 444</i>

Владимир Паркаев

Вовка Панин в мореходке

Ростов – Лениногорск

1998 год

Владимир Паркаев

Вовка

Сашка

и

Панин

Назыров

на шлюпе

"Надежда"

4